

МАХАБХАРАТА

ТРИ ВЕЛИКИХ СКАЗАНИЯ
ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Подарочное издание. Знаменитая классика с иллюстрациями

Эдуард Темкин

**Махабхарата. Три великих
сказания Древней Индии**

«ЭКСМО»

1978, 2000, 2006

УДК 398.2(540)
ББК 82.3(5Инд)-6

Темкин Э. Н.

Махабхарата. Три великих сказания Древней Индии /
Э. Н. Темкин — «Эксмо», 1978, 2000, 2006 — (Подарочное
издание. Знаменитая классика с иллюстрациями)

ISBN 978-5-04-195001-9

«Махабхарата» и «Рамаяна» — важнейшие памятники древнеиндийского творчества. Авторы настоящего издания, подобно Н. А. Куну с его «Мифами Древней Греции», сделали литературное переложение эпоса, облекли в прозаическую форму и адаптировали его для современных читателей. Книга начинается со «Сказания о Раме» — захватывающей истории о похищении прекрасной Ситы ужасным Раваной, повелителем ракшасов. Рама вместе с войском обезьян отправляется на поиски возлюбленной, преодолевая различные препятствия, возникающие на их пути. «Сказание о Кришне» повествует о земной жизни воплощения Вишну. Жестокому царю Канса была предсказана смерть от руки восьмого сына своей сестры. Чудом Кришна остается в живых. С малых лет он поражает окружающих своей силой и ловкостью. Подобно хитроумному Одиссею, Кришна побеждает своих врагов. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 398.2(540)
ББК 82.3(5Инд)-6

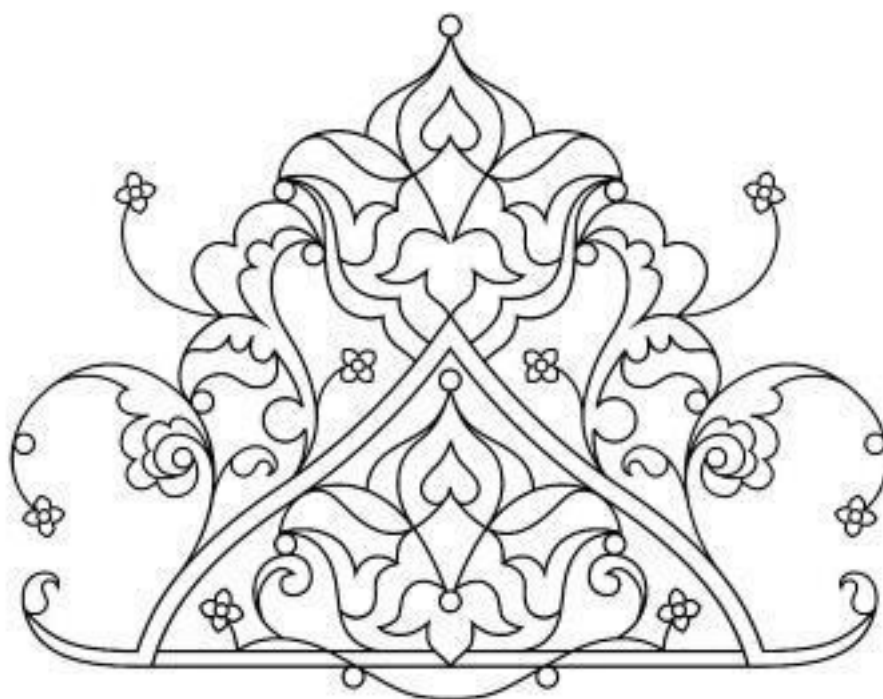
ISBN 978-5-04-195001-9

© Темкин Э. Н., 1978, 2000, 2006
© Эксмо, 1978, 2000, 2006

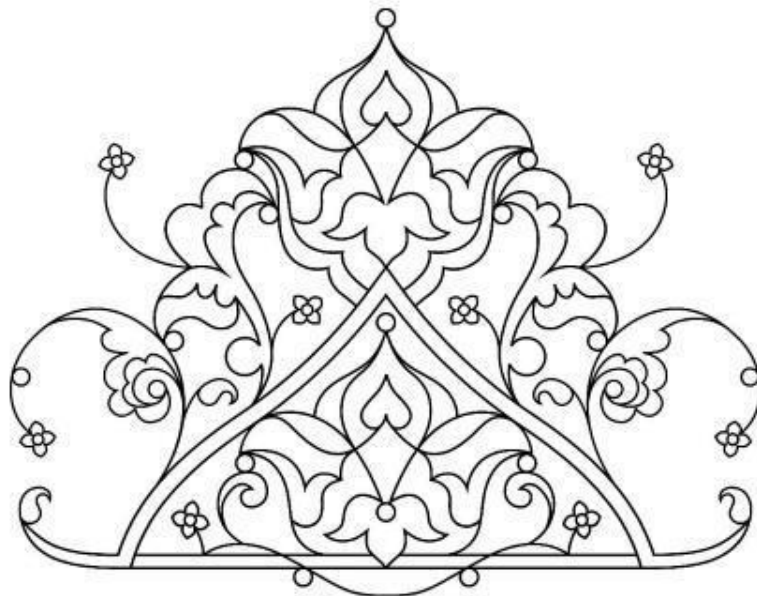
Содержание

Предисловие	8
Сказание о Раме	19
Книга первая	20
Рождение Рамы	20
Первые победы над ракшасами	22
Рассказ о дочерях Кушанабхи	24
Рассказ о чудесной корове и подвижничестве Вишвамитры	25
Лук Шивы и женитьба Рамы и Лакшманы	27
Поединок Рамы с сыном Джамадагни и возвращение в Айодхью	30
Книга вторая	32
Отречение царя Дашаратхи	32
Злая горбунья Мантхара	34
Два желания Кайкейи	36
Рама во дворце Дашаратхи	38
Горе каушалы и гнев Лакшманы	40
Сита	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Эрман, Эдуард Темкин
Махабхарата. Три великих
сказания Древней Индии

Оформлении обложки использована иллюстрация: © RF Collection / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации: © Shymko Svitlana, Jayesh Sharma-Designer, Kyne Skywalker, Anna Pogulyaeva, RF Collection / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Эрман В. Г., наследник, 2023
© Темкин Э. Н., наследник, 2023
© Мелихов А. В., наследник, иллюстрации, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Предисловие

На заре своей истории народ создает сказания о героях. В них он запечатлевает свое самосознание и свои идеалы. В этих сказаниях, преломленных сквозь призму художественной фантазии, отражаются представления древних о мироздании. Воспоминания о действительных исторических событиях и лицах сочетаются в них и сливаются воедино с мифологическими темами и образами, порожденными еще первобытным мышлением. Но, знаменуя выход из первобытного состояния, из подчинения слепой власти природы, в них уже явственно звучит вера в могущество человека, в его торжество над темными силами зла и хаоса.

Из народных сказаний складывается героический эпос; истоки его лежат еще в «дохудожественном» периоде, а с него, можно сказать, и начинается собственно история литературы. В нем – начало всего дальнейшего развития художественного творчества: его образы и сюжеты на протяжении веков питают литературу и искусство, на протяжении веков они живут в памяти народа.

Бессмертные гомеровские поэмы открывают ранний период истории античной литературы. Ее позднейшие памятники несут следы их влияния. И спустя века после заката античной культуры образы и сюжеты древнегреческого эпоса восстают из забвения, обогащая литературу и искусство народов Европы в Новое время. Аналогична в истории культуры народов Востока и роль грандиозных памятников древнеиндийского эпического творчества – «Махабхараты» и «Рамаяны». Их художественное содержание, запечатленные в них идеи и образы принадлежат не одной эпохе и не одной стране – на протяжении многих столетий они оказывают воздействие на развитие индийских литератур; влияние их распространяется и за пределы Индии. Уже в раннее Средневековье они проникают в Тибет и Китай; в особенной же степени влияние «Махабхараты» и «Рамаяны» сказывается на развитии эпической поэзии стран Юго-Восточной Азии. И если обращение к памятникам европейской художественной культуры начиная с эпохи Возрождения предполагает определенное знакомство с образами античной мифологии и содержанием гомеровского эпоса, то и в литературе и искусстве многих стран Востока в равной степени далеко не всегда и не все можно понять, не зная содержания знаменитых древнеиндийских эпосов.

«Илиада» и «Одиссея», доступные читающей публике уже не первое столетие в многочисленных переводах, издавна широко известны у нас и на Западе. Знакомство с индийским эпосом в Европе начинается позже и доньше остается гораздо менее полным. На европейские языки переводились в основном лишь отдельные части и эпизоды из «Махабхараты» и «Рамаяны». Полные переводы «Махабхараты» существуют только на английском языке, но они фактически рассчитаны на узкий круг читателей, специально интересующихся текстом памятника, и далеки от художественных целей. Стихотворный перевод «Рамаяны» на английский язык появился еще в конце прошлого века, но и он не привлек к себе внимания широкого читателя.

Причина тому не в недостатке интереса к индийскому эпосу в Европе и не в художественном несовершенстве существующих переводов, но скорее в литературном своеобразии самих памятников, весьма отличных от известных нам классических эпосов Древней Греции. Мы называем памятники древнеиндийского эпоса поэмами, но определение это в значительной степени условно. Особенно это относится к «Махабхарате», которая очень далека от того, что мы понимаем обычно под эпической поэмой. Прежде всего поражают самые размеры памятника: «Махабхарата» включает в себе около 100 000 двустихий, т. е. намного превосходит «Илиаду» и «Одиссею», вместе взятые. Кроме того, содержание ее чрезвычайно разнообразно, и собственно героический эпос, сказание о великой битве, переплетается в ней со множеством произведений, иногда совершенно самостоятельных, иногда лишь косвенно связанных с основным сюжетом. Это произведения эпического, мифологического, сказочного, дидактического,

религиозно-философского, юридического, исторического содержания, и среди них зачастую совершенно теряется нить центрального повествования. В частности, в «Махабхарату» включены знаменитые поэмы «Сказание о Нале» («Наль и Дамаянти»), «Сказание о Савитри», самостоятельная версия эпоса «Рамаяны», ряд философских поэм.

Знаменательно, что и в самой древнеиндийской традиции «Махабхарата» не считается поэмой. Она обозначается термином «итихаса», т. е. «история», – предполагается, что она излагает действительные события минувших времен. По широте и разносторонности охваченного в ней круга тем «Махабхарата» у некоторых современных исследователей заслужила наименование «энциклопедии» древнеиндийской жизни.

Гораздо ближе нашему пониманию эпической поэмы «Рамаяна», и сами древние индийцы называли ее «адикавья» – «первой поэмой». В значительно большей степени, чем «Махабхарата», она сохранила единство содержания и отличается большей композиционной стройностью. Но и этот памятник достигает огромных размеров, хотя и намного уступает «Махабхарате» (всего около 24 000 двустихий), и он также включает разнородный материал, не имеющий прямого отношения к основному эпическому сюжету.

Естественно, что полный текст обоих памятников в наше время представляет интерес, главным образом, для ученых, специально занимающихся проблемами истории и культуры Древней Индии. Для широкого читателя он покажется слишком утомительным и далеким от того, что принято рассматривать как памятник художественной литературы.

Содержание «Махабхараты» разнообразно и разнородно не только по тематике. Составляющие его компоненты принадлежат различным эпохам, ибо складывался этот грандиозный свод на протяжении многих столетий. Есть основания предполагать, что составившая его ядро поэма о великой битве, построенная на древних героических сказаниях и песнях, возникла уже в середине I тысячелетия до н. э., но окончательный вид, в котором она дошла до нас, вобрав в себя обширное богатство литературного творчества последующих эпох, «Махабхарата» приняла, вероятно, только к IV–V вв. н. э. Трудно найти в истории мировой литературы подобный пример памятника, создававшегося в продолжение тысячелетия.

О «Махабхарате» можно говорить не как об отдельном литературном памятнике, а как о целой литературе. В то же время ее нельзя рассматривать как случайное собрание разнородных произведений. При всей громоздкости и видимой хаотичности композиции «Махабхарата» обладает определенным единством – разнообразное содержание ее сплавляется воедино некоей внутренней общей художественной и идеологической тенденцией.

В течение веков «Махабхарата», переходя из поколения в поколение, существовала в устной традиции. В устной же традиции она вбирала в себя все новые и новые дополнения, и каждая эпоха вносила в нее свой вклад, превращая ее во всеобъемлющий свод. Но все разновременные и разнохарактерные элементы, из которых складывалась «Махабхарата», нивелировались в ее тексте, передаваемом из поколения в поколение, вследствие устно-поэтической передачи, и выявить их в окончательной редакции памятника, дошедшей до нас, чрезвычайно трудно.

В свое время среди исследователей «Махабхараты» определились два главных направления. Сторонники одного из них, так называемого «аналитического», ориентировались преимущественно на историю текста и основной своей целью считали выявление первоначального ядра памятника, т. е. текста того древнего эпоса, вокруг которого постепенно наслаивался материал последующих столетий. Сторонники другого, «синтетического», направления решительно возражали против того, чтобы рассматривать «Махабхарату» как собрание самостоятельных разнородных текстов, подлежащее расчленению и очищению от наносного материала, и подчеркивали в своих работах органическое единство составляющих ее элементов, требуя подхода к этому памятнику как к единому произведению, в том виде, в котором он до нас дошел.

Все попытки «аналитиков» реконструировать героическую поэму, древнейшую версию «Махабхараты», не имели успеха, а сами методы критики книжного текста, которыми пользовались эти ученые, оказались неприменимы к памятнику устно-поэтической традиции. Неразрешимость задачи, поставленной приверженцами «аналитического» направления, становится теперь совершенно очевидной в свете современных исследований специфики устно-поэтического текста. Не вызывает сомнений и ошибочность постулата «синтетического» направления об органическом единстве содержания «Махабхараты» в целом. В то же время должно признать, что это чрезвычайно своеобразное и богатое содержанием произведение действительно не только далеко от привычного нам понятия поэмы, но едва ли подходит и под самое определение героического эпоса, так как при всем существующем разнообразии его форм оно не похоже на другие его памятники, игравшие ту роль в истории культуры народа, о которой говорилось выше.

И не только обилие инкорпорированного в ткань сказания побочного материала определяет это своеобразие. Сказывается оно и не в самом факте сплава в «Махабхарате» героической эпики с так называемой дидактикой – и в других эпических памятниках мы находим значительные разделы дидактического содержания, естественно сочетающиеся с нарративным материалом. Особенность «Махабхараты» заключается в том, что как цельное произведение она окончательно сложилась через много веков после того, как миновала так называемая «героическая эпоха», т. е. уже в иных исторических условиях и в иной среде по сравнению с другими памятниками устного эпоса или ее же первоначальной версией, ныне безвозвратно для нас утраченной. Между тем эта первоначальная версия, несомненно, существовала, и об этом имеются свидетельства в самом тексте. Но очевидно, что сюжет и образы этого древнейшего эпоса, составившего костяк грандиозного свода, в окончательной «редакции» «Махабхараты» приобрели новые черты, наполнились иным содержанием, получили новый смысл, существенно отличный от того, какой они могли иметь в памятнике героической поэзии народа той далекой эпохи.

Издавна исследователями «Махабхараты» отмечалась известная противоречивость содержания памятников, выходящая за рамки обычных текстуальных противоречий, свойственных произведениям, складывавшимся вне письменной традиции. Отчетливее всего эта противоречивость проявляется в центральной части эпоса – в описании великой битвы на поле Куру, где сошлись войска враждующих царских родов: Кауравов и Пандавов. Если на протяжении всего предыдущего повествования Пандавы выступают как герои божественного происхождения, воплощающие положительный идеал эпопеи, и подчеркнуто противопоставляются злодеям Кауравам, возглавляемым завистливым и коварным Дурьодханой, то в сценах битвы картина неожиданно меняется: одолеть в честном бою отважных вождей неприятельского войска Пандавы не могут и одерживают победу, лишь прибегая к уловкам, мало совместимым с кодексом воинской морали. Это противоречие бросается в глаза даже при поверхностном знакомстве с содержанием «Махабхараты», и в свое время оно побудило некоторых сторонников аналитического направления выдвинуть так называемую гипотезу инверсии, согласно которой в первоначальной версии сочувствие певца было на стороне Кауравов и поэма представляла собой трагическую песнь о битве, в которой отважные герои пали жертвой низкого коварства врагов.

Центральное сказание «Махабхараты», очевидно, основывается на историческом прошлом народа; битва на Курукшетре, как полагают, действительно происходила между серединой X и началом IX в. до н. э. Нам трудно судить теперь об истинном значении этого исторического события и его масштабах. Но очевидно, что эпическую «Великую битву потомков Бхараты», давшую название памятнику (так расшифровывается «Mahabharata [yuddha]»), следует рассматривать как обобщение целой эпохи в ранней истории Индии, главным содержанием которой были межплеменные войны, предшествовавшие созданию крупных рабовладель-

ческих государств на западе Гангской долины, борьба за гегемонию в Северной Индии между консолидировавшимися тогда в народности племенами куру и панчалов. Некоторые исследователи полагают, что в основе сюжета эпоса лежит конфликт между куру и панчалами, в котором союзниками последних выступили иноплеменные пришельцы с севера, представители некоей неарийской (возможно, монголоидной) народности Гималаев; они-то и послужили прототипами образов Пандавов в «Махабхарате». Борьба закончилась поражением куру.

Косвенные указания на неарийское происхождение Пандавов видят, в частности, в обычае полиандрии, который, согласно тексту «Махабхараты», принадлежал их роду (пятеро братьев женятся на царевне панчалов Драупади), но который явно идет вразрез с моральными нормами брахманистского общества; в самом значении их имени: Pandu – «желтый» (в тексте толкуется как «бледный») и т. п. Если это предположение справедливо, оно подкрепляет гипотезу инверсии – изначально героический эпос мог сложиться именно на основе преданий о борьбе с иноземными врагами.

Однако едва ли сейчас что-либо может подтвердить достаточно убедительно эти предположения. Как было отмечено, реконструировать начальную версию эпоса уже невозможно, и, когда мы говорим о «Махабхарате», великой эпопее Древней Индии, мы имеем в виду тот окончательный текст ее, который дошел до наших дней. В этом произведении Пандавы выступают как кровные родичи Кауравов, ведущие происхождение от общего с ними легендарного предка Бхараты, и недвусмысленно утверждается их право на власть над страной, из-за которой в эпосе и разворачивается борьба; победа Пандавов показана как торжество справедливости. Противоречие, упомянутое выше, снимается в дидактических частях «Махабхараты», где действия Пандавов оправдываются именно тем, что совершаются они во имя дхармы – закона священной справедливости, которым живет и сохраняется вселенная. Идейный смысл канонической «Махабхараты» раскрывается в «Бхагавадгите», религиозно-философской поэме, входящей в состав памятника. Исследователи и интерпретаторы, ставящие во главу угла единство содержания «Махабхараты», рассматривают эту поэму как ее идейное ядро. Проповедь бескорыстного служения долгу вкладывается в «Бхагавадгите» в уста Кришны, друга и союзника Пандавов, выступающего здесь как земное воплощение высшего божества – Вишну; она сочетается с теистическим учением, которое впоследствии легло в основу доктрины вишнуизма.

«Бхагавадгита» («Песнь Господа») становится священной книгой вишнуизма – вместе с другими дидактическими текстами «Махабхараты» она придает древнему сказанию совершенно особый характер, далекий от духа героической эпики, а вся «Махабхарата» почитается в индуизме священным текстом, рассматривается как памятник религиозной литературы. Но своеобразие этого памятника заключается именно в том, что древний эпос в нем все же сохраняет присущие ему черты, не уничтожаемые чуждой ему религиозной моралью позднейшей эпохи. «Махабхарата» – это и священная книга, и героический эпос в рамках единого свода, одно существует в другом и сочетается с ним, не лишаясь внутренней самостоятельности.

Героический эпос «Махабхараты» относится, очевидно, к тем сводам сказаний, которые складывались, когда исторические события, давшие основу их содержанию, уже ушли в далекое прошлое и давно отгремела борьба племен и народностей, в них отраженная. В таких памятниках противоборствующие силы изображаются с «эпической» объективностью; певец равно превозносит могущество и отвагу Ахилла и Гектора, Арджуны и Карпы, Рустама и Исфандияра. В равно бесстрастных тонах описываются и победа Ахилла над Гектором, одержанная в честном бою, и отнюдь не героическое деяние Арджуны, нанесшего удар беззащитному врагу. В «Махабхарате» столь же бесстрастно певец отдает должное и коварному злодею Дурьодхане, отважно сражающемуся до последнего вздоха с грозным врагом. Нравственная оценка поступков героев принадлежит уже другой эпохе, далекой от идеала героического века, создавшего эти образы.

Описанию великой битвы в «Махабхарате» предшествует религиозная проповедь «Бхагавадгиты», оправдывающая вступление Пандавов в войну во имя высшей справедливости; завершается оно знаменитым «Плачем женщин на поле Куру», представляющим собой один из замечательнейших памятников древнеиндийской поэзии; самая выразительная его часть – «Жалоба Гандхари», матери погибших героев, которая проклинает братоубийственную войну и того, кто произносит упомянутую проповедь перед сражением. Но в «Махабхарате» не осуждаются ни Гандхари, ни Кришна, объективная правота как бы признается и той и другой стороной; в ней равно заключаются воззрения, современному читателю представляющиеся непримиримо противоречивыми, но не воспринимавшиеся так ее создателями. В этом – особенность, характерная не только для «Махабхараты», но в известной мере и для древнеиндийской культуры в целом. В ее историческом развитии новые идеи и представления идут на смену старым, оттесняя их с господствующих позиций в общественном сознании, но не отрицая их окончательно и не зачеркивая; элементы архаических идеологий, рожденные эпохами, ушедшими в прошлое, продолжают жить века, вплетаясь в новые идеологические системы и мирно уживаясь с принципами нового мировоззрения. Отсюда – характерный консерватизм этой культуры, отличающий ее, в частности, от более динамичной в развитии своей культуры античного мира.

Древнее эпическое сказание, дошедшее до нас в каноническом своде «Махабхараты», претерпело, без сомнения, определенные изменения; мы уже отмечали, что восстановить его в исконном виде невозможно. Но эпос сохранил свои образы, свои основные сюжетные линии и героический дух изначального сказания. Сюжету и образам основного сказания «Махабхараты» свойствен несомненный драматизм (он отражается и в композиции ее, в диалого-монологической форме ее построения). Характеры его – не схематичное воплощение признанных добродетелей или пороков (как видят их некоторые исследователи): они наделены живыми чертами, обрисованы ярко и сильно. Рассудительный Юдхиштхира, буйный нравом и мстительный Бхимасена, отважный и высокомерный Арджуна, хитроумный Кришна – главные герои стана Пандавов противопоставлены своим антагонистам: благородному Карне, завистливому и коварному Дурьодхане, лукавому Шакуни, жестокому Ашваттхаману. Все это яркие, истинно эпические характеры, сильные и цельные, словно высеченные из камня. Замечателен образ Драупади, отнюдь не робкой и покорной супруги Пандавов, но женщины нрава сурового и энергичного, нередко решительно повелевающей своими пятью мужьями. Весьма живое впечатление производит в эпосе старый царь Дхритараштра, слабый и безвольный, легко поддающийся чужому влиянию, – на него возлагает «Махабхарата» немалую долю ответственности за трагедию гибельной войны.

В необъятном своде «Махабхараты» запечатлелись черты эволюции духовной жизни и миропонимания древнего общества на протяжении многих столетий. Другой великий эпос Древней Индии, «Рамаяна», как упоминалось, намного уступает «Махабхарате» в объеме, отличается большей цельностью содержания. Это обусловлено в какой-то мере и тем, что время его сложения охватывает значительно менее продолжительный период. Но и он исчисляется не одним столетием. Древняя поэма о Раме создана была, по-видимому, позднее, чем первоначальная версия эпоса о Кауравах и Пандавах, предположительно в III или II в. до н. э. Окончательная редакция «Рамаяны» должна датироваться несколькими веками позже, но все же временем более ранним, как полагают, чем полный свод «Махабхараты». Время сложения «Рамаяны» уместается, таким образом, внутри хронологических рамок создания «Махабхараты».

Оба эпоса существенно отличны один от другого, и не только объемом и цельностью содержания. Сказание о великой битве сложилось, очевидно, на западе Гангской долины, т. е. на той территории, где развернулись некогда исторические события, в нем отразившиеся. Сказание о Раме принадлежит востоку Индии. Здесь, в среднем течении Ганга, в середине I тыся-

челетия до н. э. образовались крупные рабовладельческие государства, которые в IV в. до н. э. составляли ядро первого объединения Индии (под властью династии Маурьев). Здесь созрели условия для создания второго великого эпоса Древней Индии, знаменовавшего этот исторический подъем могущества древнеиндийского государства и расцвет новой, более высокой культуры.

Сюжет героического сказания «Махабхараты» основывается на межплеменном конфликте. Историческое прошлое народа находит свое отражение и в «Рамаяне»; в то же время эпос «Махабхараты» насыщен мифологическими мотивами. Но сюжет «Рамаяны» более определенно восходит к мифу, а именно к земледельческому мифу, объясняющему смену времен года (тема временной смерти и последующего воскрешения или похищения и возвращения возлюбленной героя – сравни греческий миф об Орфее и Евридики и др.), и в этом отношении можно говорить о большей его архаичности по сравнению с «Махабхаратой». И в древнеиндийской легендарной традиции время действия «Рамаяны» относится к более древней эпохе, чем война Кауравов и Пандавов; Рама, царь мифической Солнечной династии, представляет поколение более раннее, чем отпрыски Лунной династии, герои «Махабхараты». Между тем поэма о Раме, как мы отметили, моложе сказания о битве на Курукшетре, и в ней отразились новая эпоха и новая, более высокая культура.

Как и «Махабхарата», «Рамаяна» сложилась и переходила из поколения в поколение в устной традиции. Оба эпоса, очевидно, только относительно поздно были записаны и подверглись определенному редактированию уже в традиции письменной. Однако, хотя стиль «Рамаяны» носит те же следы устно-поэтической традиции, в нем обнаруживаются новые черты, не свойственные «Махабхарате». Система художественных средств здесь значительно более развита, они гораздо богаче и разнообразнее. «Рамаяна» в этом отношении, по признанию современных исследователей, представляет уже переходную ступень от устного эпоса к книжному и демонстрирует определенные черты индивидуального поэтического стиля. Если невозможно верить индийской традиции, когда она приписывает авторство гигантского свода «Махабхараты» одному человеку – мифическому мудрецу Вьясе, который приходится дедом главным героям эпоса (только некоторые крайние сторонники «синтетического» направления отстаивают единое авторство «Махабхараты»), у нас нет оснований с той же уверенностью отвергать свидетельство традиции, называющей создателем «Рамаяны» легендарного поэта Вальмики, «первого поэта» (адикави) Индии.

О его личности и жизни мы ничего не знаем – до нас дошли о нем только легенды, за которыми невозможно угадать факты реальной биографии. Однако нет ничего невероятного в предположении, что поэма о подвигах Рамы создана была на основе циклизации народных песен и сказаний одним автором, великим поэтом, творение которого осталось на века в памяти народа.

И на эту поэму, как на древний эпос о битве на Курукшетре, в течение веков наслаивались эпизоды и дополнения, не имеющие прямой связи с основным сюжетом, но этот процесс был не столь длительным. Поздние наслоения не только занимают значительно меньший объем в «Рамаяне», но и, как правило, гораздо более отчетливо могут быть выделены в общем своде памятника, хотя последовательный текстологический анализ с целью реконструкции «первоначальной» поэмы здесь, очевидно, также невозможен. Но большинство исследователей признают, что из семи книг, составляющих «Рамаяну», две почти целиком – большая часть первой и седьмая – принадлежат более позднему времени, чем основной корпус памятника. На эти книги и приходится подавляющее большинство вводных сказаний и мифов, прерывающих развитие действия; язык и стиль этих частей, как и их содержание, наиболее родственны эпизодам «Махабхараты».

Но и там, где в первой и седьмой книгах излагается непосредственно история Рамы, она имеет существенные отличия от повествования в основной части памятника. Как и «Махабха-

рата», «Рамаяна» на определенном этапе сложения своего свода насыщена была элементами религиозного содержания, способствующими обращению древнего эпоса в священную книгу вишнуизма. Как Кришна в «Махабхарате», герой «Рамаяны» объявлен был земным воплощением (аватарой) бога Вишну. В первой книге «Рамаяны» основному сказанию предпослан своего рода «пролог на небесах», в котором описывается, как боги индуистского пантеона умоляли Вишну воплотиться в земного героя ради спасения мира от победоносного царя демонов Раваны, неуязвимого для небожителей. Но если исключить обрамляющие книги, почти нигде более в тексте поэмы нет речи о божественном происхождении Рамы; он предстает в ней как земной, человеческий образ, воплощающий идеал эпического героя.

Полагают, что в основе «Рамаяны» лежит местное племенное сказание. Из него, как из зерна, выросла великая эпопея, герой же его стал общеиндийским героем, одним из любимейших в народе вплоть до наших дней. В содержании эпоса и в его образах сочетались элементы мифологического и исторического происхождения. Образ странствующего героя, победителя лесных чудовищ, восходящий, возможно, еще к доарийским истокам, вошел в распространенную в мировом фольклоре сказочную сюжетную схему, построенную на мотиве похищения и поиска возлюбленной героя, – выше мы упоминали о ее мифологическом происхождении. С этим сюжетом сплелись отголоски преданий о продвижении ариев в Южную Индию, об их военных конфликтах и союзах с племенами аборигенов, которые в «Рамаяне» представлены в образах демонических лесных людоедов-ракшасов и помогающих герою божественных обезьян и медведей.

Как и «Махабхарата» в ее окончательной редакции, «Рамаяна» уже значительно отдалена от эпохи, рождающей безыскусственный героический эпос, но ее своеобразие – совсем иного характера. Сравнение с «Махабхаратой» особенно отчетливо выявляет в «Рамаяне» преобладание сказочного, фантастического элемента. Если в отношении стиля, как отмечалось, эта поэма представляет переходную ступень от устной поэзии к книжной литературе, в отношении содержания здесь можно говорить о переходе от героического эпоса к сказочному.

В центре поэмы Вальмики, как и в центре «Махабхараты» или гомеровской «Илиады», – великая битва; ее описание занимает всю шестую (самую большую по объему) книгу «Рамаяны». Но если в «Махабхарате» или в «Илиаде» в основе описания лежит действительный исторический конфликт и при всей эпической гиперболизации в нем отражаются реальные черты, характеризующие ведение боя в ту эпоху, когда главным оружием были лук и стрелы, а главным родом войск – боевые колесницы, то в «Рамаяне» это битва совершенно фантастическая». Сказочные обезьяны и ракшасы сражаются, метая друг в друга вырванные с корнем деревья и целые скалы, ракшасы прибегают для одоления врага к колдовским чарам, их вождь Индраджит сражается невидимкой и т. п. Фантастический элемент играет важную роль и во многих других частях поэмы, и само построение сюжета следует, как мы отмечали, распространенной схеме волшебной сказки (указывают, в частности, на разительное сходство сюжетной схемы «Рамаяны» с пушкинским сказочным эпосом «Руслан и Людмила»).

В то же время фантастические мотивы своеобразно сочетаются в «Рамаяне» с отражением реальной действительности эпохи ее создания, в образах поэмы сказочные, сверхъестественные черты причудливо вплетаются в живые человеческие характеры. Выделяется в общем строение поэмы вторая книга, содержащая описание двора Дашаратхи и рассказывающая об изгнании героя, – она почти полностью лишена сказочных мотивов (сюжет этой книги мы находим в палийской буддийской литературе, и есть основания предполагать, что первоначально сказание об изгнании Рамы существовало самостоятельно, будучи не связанным с повестью о дальнейших его приключениях, составившей содержание последующих книг «Рамаяны»).

Герой предания приобретает здесь черты, характеризующие представителя воинской аристократии раннего рабовладельческого государства. В этом образе находят выражение нравственные нормы и идеалы времени создания поэмы; Рама – воплощение признанных эпо-

хой добродетелей. Тем не менее он не превращается в ходульную дидактическую фигуру – поэт умеет наделить его живыми чертами, человеческим характером. Ярko и проникновенно показана в древней поэме любовь Рамы к Сите, составляющая основу памятника.

Образ героини – художественно наиболее цельный в поэме. Он восходит к мифологической фигуре древнего земледельческого божества (имя «Сита» означает букв. «Борозда»), и отголоски этого мы находим как раз в поздних – первой и седьмой – книгах, где она выступает как дочь богини Земли. Тем не менее в образе ее в поэме Вальмики нет ничего «божественного» – она показана в ней как земная женщина с земными, человеческими чувствами и чертами характера.

Сита изображается в «Рамаяне» как идеал индийской женщины-жены (подобно тому как Рама – идеал воина и государя). В ней мы также находим черты, обусловленные эпохой. Сита – послушная дочь, преданная, добродетельная супруга. Но величие ее образа раскрывается во всезабвенной, самоотверженной любви к Раме, которую она проносит через все испытания.

Лирическое начало наиболее ярко проявляется в третьей и пятой книгах «Рамаяны», в темах разлуки любящих Рамы и Ситы и плена Ситы, но оно определяет и звучание поэмы в целом, и в нем – характернейшая черта, в еще большей степени, чем сказочные мотивы, отличающая эпос Вальмики в развитии художественной культуры Древнего мира.

Поэма воспекает вместе с любовью и дружбу как одно из высших проявлений духовной красоты человека. Носителями идеала человеческих отношений выступают в «Рамаяне» Лакшмана, брат героя, и мудрый обезьяний вождь Хануман; последний остается в дальнейшем одним из любимейших героев индийских народных сказаний.

Силам добра, воплощенным в образах Рамы и Ситы и их друзей, противостоит в «Рамаяне» злое начало, олицетворенное в образе Раваны, десятиглавого повелителя людоедов-ракшасов, царя мифического острова Ланки, главного антагониста Рамы. В изображении его особенно ясно проявляется характерное для «Рамаяны» своеобразное сочетание элементов реального и фантастического. Образ Раваны имеет мифологическое происхождение, как и большинство других образов поэмы, но в нем элементы мифа сохранились более всего. В большинстве сцен Равана выступает как человек; он рисуется как прекрасный обликом витязь, пленяющий сердца женщин. Временами же он превращается в многорукого великана с десятью головами, выступает как оборотень, принимающий любую личину. Иногда мы сталкиваемся здесь с характерными для устного эпоса противоречиями: в сцене последнего поединка с Рамой (в шестой книге) у Раваны одна голова, которая всякий раз, когда герой отсекает ее стрелами, вырастает снова, – мотив, известный не только индийскому фольклору.

Но все же человеческое начало преобладает и в этом образе, жизненно столь же правдивом, как и образы положительных героев. Самовлюбленный и взбалмошный деспот, коварный обольститель, раб своих страстей, готовый на любое злодейство, он во всем противостоит Раме – и как человек, и как правитель государства.

Последний аспект играет немаловажную роль в идейном содержании «Рамаяны», рисуемой в образе Рамы идеального государя. Эта проблема имела существенное значение в эпоху создания поэмы и сохранила его и в последующие века; она отразилась в творчестве многих писателей классического периода, следовавших по стопам Вальмики. В сознании народа надолго сохранилось представление о справедливом царстве – «царстве Рамы», в котором виделось ему осуществление заветных чаяний. Но в седьмой книге «Рамаяны» эта тема получила характерное освещение в духе идеологии господствующих сословий и религиозной брахманской морали, и образ Рамы в этой книге тускнеет и утрачивает человеческие черты, обращаясь в бездушное воплощение «божественного» принципа.

В образах ракшасов, обитателей острова Ланки, и обезьян, населяющих сказочное царство Кишкиндху, мы видим то же характерное смешение реального и фантастического. Ракшасы, появляющиеся в поэме в первой книге как бесы и оборотни, в эпизодах пятой и шестой

книг выступают чаще всего как люди, приобретая черты какого-то реального народа, стоящего, следует отметить, на высокой ступени культурного развития, о чем свидетельствует описание их столицы, укрепленного города Ланки. Обезьяны и медведи, несомненно, отражают представления об архаических лесных племенах аборигенов Южной Индии.

Мы видим большую сложность и разнообразие содержания в художественной ткани поэмы, сочетающей сказочные и реальные элементы, мифологические и фольклорные образы и мотивы, исторические реминисценции и черты, рожденные эпохой сложения памятника. Высокое совершенство поэтической формы, богатство выразительных средств, неизвестное литературе предшествующих веков, обусловили огромное влияние эпоса Вальмики на индийскую художественную культуру. «Рамаяна» поистине открывает новую эру в истории индийской литературы. Все крупные поэты классического периода испытали на себе ее влияние, и позже она послужила образцом для воссоздания эпоса о Раме в новоиндийских и дравидийских литературах на стадии их становления.

Иначе сложилась судьба третьего великого эпоса Древней Индии – эпоса о Кришне; он существенно отличается и от «Махабхараты», и от «Рамаяны». Герой его выступает как одно из главных действующих лиц в основном сказании «Махабхараты». К восемнадцати книгам, составляющим этот памятник, примыкает дополнительная, девятнадцатая – «Хариванша», где описываются рождение и юные годы Кришны. Это сказание не имеет прямого отношения к сюжету о великой битве, и образ Кришны в нем отличается от образа в «Махабхарате». Если в эпосе о Кауравах Кришна местами выступает как ипостась Вишну, но в развитии действия основного сказания проявляет себя как простой смертный и представляет собою определенный тип эпического героя, хитроумного советчика воителей, своего рода индийского Одиссея, то в «Хариванше» божественная природа Кришны подчеркивается более настойчиво на протяжении всего повествования. Есть основания полагать, что легенды о рождении, детстве и юности Кришны, лежащие в основе содержания «Хариванши», – более позднего происхождения, чем эпос «Махабхараты». В свое время высказано было предположение, что цикл этот – неиндийского происхождения, его происхождение приписывали даже христианскому влиянию. Действительно, некоторые его мотивы напоминают известные сюжеты христианской агиографии. Тому же влиянию приписывали возникновение культа Кришны-дитяти, получившего распространение в Средние века, особенно в Западной Индии. В действительности, очевидно, сказание о Кришне – индийского, возможно, даже доарийского происхождения, хотя на него могли повлиять мотивы легенды о Кире, занесенные из Ирана в эпоху экспансии Ахеменидов. Во всяком случае, Кришна – герой эпоса о потомках Бхараты и Кришна – пастух, о котором повествует «Хариванша», по-видимому, первоначально различные образы, впоследствии слившиеся воедино и отождествленные с Вишну.

Почитание Вишну в образе Кришны развилось в Средние века в наиболее мощное ответвление вишнуитской религии – кришнаизм. Здесь сочетались элементы ряда местных первоначально самостоятельных культов, в том числе культа бога Васудевы, распространенного в конце I тысячелетия до н. э. в Западной Индии (имя его было впоследствии переосмыслено как патронимическое по имени отца Кришны), и почитания дравидийского божества плодородия Майона (имя которого означает по-тамилски то же, что «Кришна» на санскрите, – «Черный»). К последнему и восходит, очевидно, культ Кришны-пастуха, и отсюда же – эротический элемент в поздних легендах о Кришне, в историях о его любовных похождениях с пастушками.

В этом образе сложного происхождения сочетались черты эпического героя и божества; Кришна из рода Яду, действующий в «Махабхарате», в древнейшей версии не имел, по-видимому, ничего общего ни с Вишну, ни с местными кудьтами Васудевы и Майона. Возможно, образ его восходит к историческому лицу, упоминаемому в упанишадах в числе адептов новых религиозно-философских учений эпохи. Он отождествился, как мы можем полагать, с древ-

ней мифологической фигурой странствующего героя, вероятно, доарийского происхождения, родственной прообразу героя «Рамаяны». Сказания о нем и легли в основу третьего древнеиндийского эпоса; они пользовались, очевидно, большой популярностью.

Меньше распространены сказания о Баладеве (или Балараме), тем не менее также весьма любимом и популярном в народе герое. Образ его связан с архаическим культом земледельческого божества. Он включен был в цикл сказаний о Кришне на подчиненном положении; Баладева выступает в них как сводный брат Кришны, хотя первоначально не имел к нему отношения. Он появляется эпизодически и в «Махабхарате». Позднее Баладеву объявляют «частичным» воплощением Вишну. Иногда как зооморфную ипостась его рассматривают Шешу, космического змея, несущего Вишну на своих кольцах, в индуистской мифологии и иконографии.

Если «Махабхарата» прошла многовековой путь развития и обратилась в грандиозный свод энциклопедического содержания, в котором героическое сказание сочеталось с религиозной проповедью, но сохранило исконные черты, если «Рамаяна», возникшая в эпоху исторического подъема, положила начало расцвету индивидуального поэтического творчества, то сказания о Кришне сложились в единый цикл позднее первых двух эпопей и оформлялся их свод с самого начала в иной среде и в иных исторических условиях. Тогда уже наметились признаки грядущего упадка древнеиндийской культуры, консервативное брахманство все более определяло господствующие идеологические тенденции. Эпос о Кришне создавался сразу как священная книга, памятник религиозной литературы.

При этом не сложилось единой канонической версии этого эпоса. Наиболее раннее законченное изложение сюжета о Кришне – упомянутая выше «Хариванша», которую можно датировать не раньше первых веков нашей эры, сказание о Кришне включается также в «Вишну-пурану» как одна из ее основных частей, и, наконец, наиболее развернутая и популярная версия кришнаитского цикла составляет десятую книгу «Бхагавата-пураны», памятника, сложившегося уже в раннее Средневековье.

В этих произведениях мы уже не найдем ни безыскусственной и суровой выразительности героических сцен «Махабхараты», ни эмоциональной яркости и богатства художественных средств «Рамаяны». Нельзя сказать, чтобы изложение сказания о Кришне в «Хариванше» или «Бхагавата-пуране» было совершенно лишено литературных достоинств. Но санскритские версии кришнаитского эпоса создавались в преддверии или уже в эпоху упадка древнеиндийской классической культуры. Для авторов их художественный элемент подчинялся, безусловно, задачам религиозной пропаганды; в соответствии с этим и обрабатывался материал народных сказаний, утративших в значительной мере свои исконные черты в брахманской интерпретации. Таким образом, эпос о Кришне, быть может, наиболее близком народу герою, в литературном оформлении далее всего отошел от своих народных истоков. Тем не менее десятая книга «Бхагавата-пураны» – наиболее полное жизнеописание Кришны – пользовалась необычайной популярностью на протяжении последующих веков и послужила образцом для ряда версий на новоиндийских языках.

Полный перевод трех великих эпосов Древней Индии на русский язык – дело будущего, связанное, несомненно, прежде всего с большой исследовательской работой в области истории древнеиндийской культуры. Предлагаемое изложение ставит целью ознакомить с их содержанием широкого читателя.

В изложении содержания всех трех памятников авторы строго придерживались сюжетной линии подлинника, опуская, однако, эпизоды и вставные произведения, не имеющие прямого отношения к основной линии повествования. В изложении «Махабхараты» сохранены все же обрамляющие рассказы, дающие читателю общее представление о композиции памятника.

Предлагаемую переработку текста оригинала не следует рассматривать, разумеется, как попытку реконструкции «праэпоса» «Махабхараты» или «Рамаяны» – мы уже говорили о

неразрешимости этой задачи. Есть основания полагать, что древнейшую часть эпоса «Махабхараты» представляет описание битвы и непосредственно следующих за ней событий, занимающее шестую-девятую книги; книги же, содержащие предысторию войны и заключающие памятник, были добавлены позднее (этот порядок «наращивания» текста добавлением новых разделов к началу и концу первоначальной версии обычен для истории древнеиндийской литературы начиная с первых ее памятников), что не означает, однако, наличия поздних наслоений и в «ранних» книгах и относительно древнего материала в обрамляющих. В нашем изложении мы оставляем тем не менее все части повествования, относящиеся к основному сказанию в окончательной редакции «Махабхараты». Еще более очевидно позднее происхождение обрамляющих книг «Рамаяны», однако и они включены в наше изложение.

Мы не стали вводить в изложение обоих эпосов пересказ чисто дидактических текстов (особенно характерных для «Махабхараты»). Сохранив сюжетные линии первой и седьмой книг «Рамаяны», мы исключили явно чужеродное для древней поэмы отождествление Рамы с божеством; также для Кришны в «Махабхарате» явно вторичной представляется роль ипостаси Вишну, излишняя для развития эпического сюжета.

В основу изложения эпоса о Кришне взят текст десятой книги «Бхагавата-пураны».

Заменяя перевод прозаическим переложением, авторы стремились тем не менее передать в нем средствами русского языка стиль и манеру эпического повествования, систему образов и метафор оригинала, донести до читателя по мере возможности черты его художественного своеобразия.

Как явствует из вышесказанного, из трех эпосов раньше других получило литературное оформление в устной традиции сказание о великой битве, позднее сложилась «Рамаяна» и еще позднее – эпос о Кришне. Тем не менее в настоящем сборнике мы приняли последовательность, соответствующую легендарной «хронологии» событий. Действие «Рамаяны» индийская традиция относит к более глубокой древности, нежели войну Кауравов и Пандавов; сказание о детстве и юности Кришны мы поместили перед изложением «Махабхараты», где рассказывается о его участии в этой войне и о его гибели. Разбивка на главы и их названия всюду принадлежат авторам изложения, и только в «Рамаяне» сохранено деление на семь книг и их названия, принадлежащие оригиналу.

Изложение эпосов «Махабхараты» и «Рамаяны» выходит в настоящем сборнике вторым изданием. Текст «Рамаяны» по сравнению с первым изданием (М., 1965) оставлен почти без изменений, изложение «Сказания о великой битве потомков Бхараты» (1-е изд.: М., 1963) значительно расширено. Изложение эпоса о Кришне по «Бхагавата-пуране» издается впервые¹.

¹ По сообщению главного редактора издательства «Петербургское Востоковедение», где настоящее издание увидело впервые свет в 1996 году, вклад соавторов составляет: $\frac{2}{3}$ литературного изложения древнеиндийских сказаний принадлежит В. Г. Эрману; $\frac{1}{3}$ – Э. Н. Темкину. Предисловие написано соавторами в процентном соотношении 50 на 50.

Сказание о Раме

СКАЗАНИЕ О РАМЕ

Книга первая

Детство

Рождение Рамы

К югу от гор Гималаев – обители снегов, на берегах тихоструйной Сарайю и многоводной Ганги лежит страна Кошала, богатая и счастливая, изобильная зерном и скотом, тучными пастбищами и цветущими садами.

В той стране был древний город Айодхья, прославленный повсюду красотой и великолепием своих домов, площадей и улиц. Купола его дворцов и храмов возвышались, как горные вершины, и стены их блистали золотом и драгоценными камнями. Возведенные искусными зодчими, украшенные дивными статуями и росписями, они подобны были небесным чертогам Индры, повелителя богов.

Город был богат и многолюден. В нем было вдоволь питья и пищи, в лавках купцов полно диковинных товаров, и жители Айодхьи не знали ни нужды, ни болезней. Юноши и девушки беззаботно танцевали на площадях, в садах и манговых рощах. И с утра до вечера на прямых и просторных улицах города теснился народ – торговцы и ремесленники, царские гонцы и слуги, странники и скоморохи. И не было в том городе никого, кто предавался бы пороку и безделью, не знал бы грамоты и благочестия. И все мужчины и все женщины обладали добрым нравом, и все поведением своим были безупречны.

Город окружен был крепкими стенами и глубокими рвами; в нем были кони из Камбоджи и с берегов Инда, боевые слоны с гор Виндхья и Гималаев, и как горные пещеры изобилуют львами, так город был полон воинами, горячими, прямодушными и искусными.

И Айодхья затмевала другие города, как луна затмевает звезды. И правил ею славный царь Дашаратха, справедливый и могучий. Благочестивому царю служили мудрые и преданные советники, прекрасные жены радовали его своей красотой и кротостью, и все желания Дашаратхи немедля исполнялись.

Но великое горе давно уже точило душу государя Айодхьи, и ничто не веселило его. Не было потомства у благородного Дашаратхи, не было у него сына, некому было передать власть и государство. И решил однажды повелитель Айодхьи принести богам великие жертвы в надежде, что смилуются над ним боги и даруют ему сына. Царские советники, благочестивые и всеведущие брахманы, с радостью одобрили желание Дашаратхи, а жены его расцвели от счастья и надежды, как расцветают лотосы с приходом тепла и солнца.

На северном берегу Сарайю, на указанном Дашаратхой месте, главный советник царя Васиштха повелел возвести алтарь, роскошные строения для знатных государевых гостей, удобные дома для брахманов, купцов, земледельцев и царской стражи. «Все должны быть довольны, никто ни в чем не должен терпеть недостатка», – приказал Васиштха царским зодчим и слугам.

Мастера немедля принялись за дело, а царские гонцы помчались на быстрых колесницах на восток и на запад, на юг и на север. Они везли окрестным государям приглашение прибыть к Дашаратхе на великий праздник.

Когда минул год и все уже было готово к великому жертвоприношению, стали прибывать в Айодхью желанные гости: благородный Джанака, повелитель Митхилы, верный друг царя Дашаратхи; благонравный и красноречивый владыка Каши; Ромапада, отважный царь ангов; доблестные государи Синдха и Саураштры; почтенные брахманы и торговцы, искусные ремесленники и усердные земледельцы.

И в день, когда небесные светила предвещали удачу, царь Дашаратха с женами и домочадцами, советниками и многочисленными гостями под охраной верного войска выехал из Айодхьи к северному берегу Сарайю.

Три дня и три ночи жрецы Дашаратхи приносили богам великие жертвы, три дня и три ночи шептали они над священным огнем алтаря молитвы и умоляли богов даровать потомство дряхлеющему государю.

По всей земле разнесся слух о великом жертвоприношении на северном берегу Сарайю, и отовсюду стекались к алтарю обездоленные люди. Весь день с утра до ночи там раздавались крики: «Дайте пищу! Дайте одежду!» – и слуги Дашаратхи ни в чем не отказывали пришельцам. Много золота и серебра, драгоценных тканей, ковров и лошадей раздарил щедрый Дашаратха благочестивым брахманам, и жрецы прославляли государя Айодхьи и желали ему много сыновей и внуков.

Боги тоже остались довольны принесенной им жертвой, каждый из них получил свою долю. И обратились они тогда к богу-творцу, великому Брахме, с просьбой даровать праведному Дашаратхе сына. «Дай, господин, Дашаратхе сына, – просили боги всемогущего Брахму, – надели его неодолимой силой, пусть он избавит нас и все живое в мире от Раваны и его злодея».

Равана в те времена жил на земле. Он был повелителем ракшасов, злых и кровожадных демонов. Некогда достиг Равана суровым покаянием великой святости, и Брахма решил наградить его за благочестивые подвиги. «Выбирай себе любой дар, – сказал ему Брахма, – я выполню любое твое желание». И попросил гордый Равана у Брахмы сделать так, чтобы ни боги, ни демоны не могли одолеть его в битве и лишиться жизни. А про смертного человека ничего не сказал могучий Равана – он не считал его достойным противником. «Да будет так!» – ответил ему Брахма, и с того дня не стало никому – ни богам, ни брахманам – спасения от злой воли безжалостного Раваны. И никто ничего не мог с ним поделать. Только человек мог погубить повелителя ракшасов, да не было тогда на земле такого человека. И когда боги все вместе припали к ногам Брахмы с мольбой даровать Дашаратхе сына и наделить его невиданной силой, великий Брахма согласился выполнить их просьбу.

По знаку всемогущего творца бог Вишну, Хранитель Мира, взял золотой сосуд с серебряной крышкой, наполнил его сладким молоком, божественным напитком, спустился невидимо на землю и возник вдруг перед Дашаратхой в языках священного огня, плававшего на алтаре. Он был огромен, как горная вершина; на черное тело бога, покрытое львиной шерстью, были наброшены малиновые одежды, и лицо его было красно, как пламя. Вишну протянул золотой сосуд Дашаратхе и сказал: «Ты снискал милость богов, благочестивый царь. Отдай сосуд своим женам, пусть выпьют они божественный напиток, и не будет у тебя в сыновьях недостатка».

Вишну исчез, а счастливый Дашаратха передал драгоценный сосуд своим женам, и они выпили божественный напиток. Первой жене Дашаратхи, Каушалье, досталась ровно половина, а Кайкейи и Сумитра пополам допили остальное.

Протекли три дня и три ночи, потух алтарь на северном берегу Сарайю, разъехались по домам гости Дашаратхи, а он остался у себя во дворце в Айодхье терпеливо дожидаться рождения сына.

Когда прошло одиннадцать месяцев и двенадцатый был уже на исходе, разрешились от бремени царские жены и принесли четырех сыновей государю Айодхьи. Сначала Каушалья родила Раму, потом Кайкейи родила Бхарату, а вслед за ними Сумитра родила близнецов – Лакшману и Шатругхну. Великое веселье началось в тот же час на земле и на небе. Загремели литавры, заиграли гандхарвы, небесные музыканты и заплясали апсары, небесные танцовщицы.

Здоровыми, сильными и красивыми удались сыновья царя Дашаратхи, а старший, царевич Рама, превосходил своих братьев разумом, красотой и силой. Глаза у него были розовые, губы – малиновые, голос – зычный, плечи и руки – могучие, как у льва.

Царевичей обучали Ведам, священным и мудрым книгам, великому искусству содержать в порядке государство, вести в ближние и дальние походы войско, управлять в бою колесницей. Все царские и воинские науки братья быстро одолели, и не стало на земле им равных. С гордостью взирал Дашаратха на своих могучих, красивых и благонравных сыновей, и счастьем его не было предела.

Первые победы над ракшасами

Однажды пришел в Айодхью брахман, великий подвижник Вишвамित्रа. Он подошел к царскому дворцу и велел стражам сказать Дашаратхе о своем приходе. Владыка славной Айодхьи несказанно обрадовался неожиданному гостю и поспешил со своими советниками к нему навстречу. С поклоном проводил его Дашаратха в дворцовые покои, усадил на почетное место и обратился к нему с ласковой речью: «Своим приходом ты обрадовал меня, Вишвамित्रа, как дождь радует земледельца в злое, засушливое время, как радует земного человека божественный напиток бессмертных. Поведай же мне, благочестивый старец, свои заботы, а я исполню все, что ты захочешь».

С радостью внимал Вишвамित्रа приветливой речи государя Кошалы, а потом рассказал ему о своем несчастье. «В глухом лесу стоит моя обитель, – сказал Дашаратхе подвижник, – и священный огонь на моем алтаре не угасает ни днем, ни ночью. Я приношу небожителям жертвы и укрепляю душу суровым покаянием. Но вот пришли в мой лес злые ракшасы Марича и Субаху и по приказу Раваны, их владыки, всячески над моим алтарем надругались: огонь гасили и приносимые богам жертвы пожирали. Твой старший сын Рама уже вырос,пусти его со мной в лес ненадолго. Только он один может защитить мою обитель».

Царь Дашаратха не ждал от отшельника такой просьбы. Он всегда был верен своему слову, и горько ему стало от того, что пообещал Вишвамित्रе исполнить все его желания. Он боялся отпускать в страшный лес любимого сына, он тревожился за его жизнь и потому стал уговаривать Вишвамित्रу не забирать юного Раму из Айодхьи.

«Мой лотосоглазый Рама, – сказал он грустно Вишвамित्रе, – не стал еще зрелым мужем. Ему не одолеть в битве Маричу и Субаху. Возьми лучше все мое войско, я сам пойду с ним охранять твой алтарь и твою обитель. Шестидесят тысяч лет живу я на свете и только недавно обрел сына. Нет у меня силы посылать его на погибель».

Оскорбленный отказом государя Айодхьи, Вишвамित्रа возгорелся гневом. Он сказал Дашаратхе: «Если ты, царь, не сдержишь слова, не будет счастья ни тебе, ни твоему роду; не сохранят твои сыновья царского престола и не уберечься тебе от великого бесчестия».

Едва Вишвамित्रа произнес свою угрозу, как под ногами у всех задрожала земля, царский дворец и все дома в Айодхье зашатались, а Дашаратха и его советники не могли вымолвить ни слова от страха. Видно, не только Вишвамित्रа, но и все боги разгневались на государя Айодхьи.

Тогда перед царем встал благородный Васиштха. Он произнес хвалу благочестивому Вишвамित्रе и обратился к опечаленному Дашаратхе с такими словами: «Тебе не к лицу нарушать свое обещание, государь. Ты напрасно боишься отпустить в лес Раму. Твоя правда, он не стал еще зрелым мужем, но и то правда, что на земле нет человека, который мог бы с Рамой сравниться силой и воинским искусством. Он легко одолеет в битве Маричу и Субаху и вернется в Айодхью невредимым».

Страшно было Дашаратхе отпускать от себя любимого сына, но не хотел он, чтобы сбылись грозные слова Вишвамитры, и скрепя сердце дал государь свое согласие.

На другой день рано утром Вишвамित्रа вышел из ворот Айодхьи и направился в свою обитель, а юный и могучий царевич Рама шел за ним следом. Лакшмана, который ни за что на свете не хотел расставаться с любимым братом, нес его лук и стрелы.

К вечеру они пришли к правому берегу Сарайю, и Вишвамित्रа ласково попросил Раму зачерпнуть в ладони речной воды. Рама послушно выполнил его просьбу, и тогда Вишвамित्रа произнес над водой в ладонях у Рамы такое заклинание: «Да не коснутся тебя, царевич, усталость, дурной глаз и лихорадка; да не нападут на тебя ракшасы внезапно ни днем, ни ночью; да не сравнится никто с тобою ни в бою, ни в споре, ни в мудрости, ни в удаче; да не потревожат тебя ни нужда, ни холод!» Затем Рама маленькими глотками выпил эту воду, и все трое легли спать на берегу реки, и трава служила им ложем.

Долгий путь прошли царевичи и Вишвамित्रа от берегов Сарайю до великой Ганги, на лодке переправились на другой берег и вскоре оказались перед глухим и страшным лесом, полным хищных зверей и ядовитых гадов. «Здесь обитает мать ракшаса Маричи, кровожадная Тарака, – сказал Раме Вишвамित्रа. – Ростом она с великую гору, и тысяча слонов не могут сравниться с ней силой. Ни один путник не может от нее укрыться, всех пожирает страшное чудовище. Она сейчас стоит на лесной дороге, и тебе придется убить ее, Рама, чтобы могли мы идти дальше и чтобы здешние люди могли жить спокойно».

«Да будет так», – ответил Рама Вишвамитре, и, вступив в лес, они пошли прямо навстречу Тараке. Рама взял в руки лук и стрелы, тронул кулаком тугую тетиву, и звон тетивы разнесся далеко по лесу. Его услышали звери и птицы, донесся он и до ракшасы, стоявшей на дороге. Тотчас великая злоба охватила Тараку и лишила ее рассудка. В ярости помчалась она по дороге навстречу Вишвамитре, Раме и Лакшмане. Со страшным ревом, подымая клубы пыли, неслась безобразная ракшасы и бросала в путников огромные камни.

Царевичи загорелись гневом. Грозно зазвенели тетивы их боевых луков, и острые стрелы отсекали нос и уши у кровожадной Тараки. Но боль только прибавила ей силы. Ливень камней, летевших в отшельника и братьев, становился все опаснее. «Убей ее, – сказал Вишвамित्रа Раме, – убей скорее, пока не наступил вечер. В темноте ее не одолеешь!»

Никогда еще Рама не лишал жизни женщину и теперь не стал бы, да не унималась злобная Тарака, не отступала. Ради Лакшманы, любимого брата, ради святого старца Вишвамитры пришлось Раме сразить Тараку насмерть. Змеей сверкнула в воздухе неотвратимая стрела – и голова Тараки, будто срезанная серпом, покатила по дороге.

Царевичи и старый брахман провели ночь в лесу, а наутро Вишвамित्रа сказал Раме с ласковой улыбкой: «Я доволен тобою, сын Дашаратхи. Воистину, ты – великий воин. Я подарю тебе сейчас чудесное оружие небожителей, и ты никогда не будешь знать поражений в битвах. Я подарю тебе грозные сверкающие диски, быстрые и меткие стрелы, тяжелые палицы, булавы и секиры».

Вишвамित्रа повернулся лицом к востоку, шепотом стал читать заклинания, и вскоре перед Рамой, изумленным таким чудом, явилось божественное оружие. Длинными рядами встали перед Рамой мечи, палицы и секиры и человеческим голосом сказали ему: «Ты – наш господин, великий Рама, а мы – твои слуги. Все, что ты прикажешь, мы исполним». Благодарный Рама низко поклонился Вишвамитре и сказал мечам, палицам и секирам: «Явитесь передо мной, когда я позову вас на помощь». И чудесное оружие исчезло.

Вишвамित्रа и братья-царевичи пошли дальше, миновали дикий лес ракшасы Тараки и вскоре пришли в прекрасную местность, изобилующую благоуханными цветами и тенистыми деревьями. Там весело щебетали певчие птицы, и в прозрачных водах ручья плескались серебристые рыбы. В этом месте была тихая обитель Вишвамитры.

Первую ночь Рама и Лакшмана отдыхали, а на следующую ночь поставил их Вишвамित्रа охранять священный огонь на алтаре. Пять ночей братья провели у алтаря без тревоги, а на шестую велел им Вишвамित्रа надежнее вооружиться.

Ярко горел на алтаре священный огонь, брахманы-отшельники вместе с Вишвамित्रой шептали молитвы и приносили богам жертвы, и кругом было темно и тихо. Вдруг раздался над алтарем грозный гул, и на священный огонь обрушились потоки черной крови, осквернившие жертвенные цветы и травы.

Как лев бросился Рама к алтарю, взглянул в темное небо и увидел в воздухе кровожадных пожирателей мяса Маричу и Субаху. Юный сын Дашаратхи натянул лук – и смертоносная стрела ударила Маричу в грудь с такой силой, что злобный ракшас пролетел по воздуху сто йоджан и упал в бурные волны океана. Вторая стрела Рамы пронзила насквозь Субаху; ракшас свалился на землю и забился в предсмертных корчах.

Благочестивые отшельники с радостными восклицаниями окружили обоих сыновей Дашаратхи, и Вишвамित्रа сказал Раме: «Ты могучий и доблестный воин, Рама. Ты исполнил повеление государя Айодхьи и спас от поругания нашу обитель».

Рассказ о дочерях Кушанабхи

Когда наступило следующее утро, братья-царевичи пришли к Вишвамित्रе, почтительно поклонились ему и сказали: «Перед тобой твои слуги, благочестивый отче. Скажи нам, что мы еще должны для тебя сделать?»

Брахман сказал им: «В славном городе Митхиле царь Джанака приносит богам великие жертвы. Отовсюду идут в Митхилу люди, и мы все пойдем туда же. У царя Джанаки хранится чудесный и могучий лук, и никто до сих пор не смог его согнуть и натянуть тетиву. Многие герои, цари и небожители побывали в Митхиле, но никому из них не удалось сделать это».

По знаку Вишвамитры отшельники запрягли быстрых коней в колесницы, и все отправились в Митхилу, а следом за ними бежали звери и летели птицы. Путь их лежал на север. К высокой горе Химават, к могучей реке Ганге, в главный город царя Джанаки – Митхилу.

Окончился день, и дорогу закрыла ночная тьма. Вишвамित्रа остановил колесницы и велел всем отдыхать на берегу реки Сомы. После вечерних молитв и омовений, когда все сидели на траве вокруг Вишвамитры, Рама попросил благочестивого старца рассказать ему про лежащие по берегам Сомы земли.

«Некогда, – начал рассказывать мудрый брахман, – жил на земле Куша, сын Брахмы. У него было четыре сына: Кушамба, Кушанабха, Асуртараджа и Васу. Когда они подросли, Куша отправил их в разные стороны света и сказал им: «Добывайте себе царства». Эти чудесные леса и пашни, луга и реки завоевал Кушанабха, второй сын Куши, и основал здесь свое царство.

Сто прекрасных, как жемчужины, дочерей имел Кушанабха. Юные и прелестные, они развились в цветущем саду, блистая, как звезды в облаках. И увидел их там однажды могучий Вайю, бог ветра и дыхания, и сказал: «Вы желанны мне, прекраснеликие. Будьте моими женами, и вы обретете вечную юность и бессмертие». Дочери Кушанабхи почтительно склонились перед богом и сказали: «Ты всевластен, ты – сущность жизни, великий Вайю, но зачем ты предлагаешь нам бесчестье? Нам, целомудренным дочерям Кушанабхи, нельзя слушать такие речи. Только наш отец волен нами распорядиться, он – наш бог и повелитель. У него ты и проси нас себе в жены».

Гордые слова дочерей Кушанабхи привели божество в ярость, и в гневе не пощадил Вайю целомудрия юных красавиц.

Со слезами стыда на ресницах, со вздутыми животами прибежали царевны к Кушанабхе и с плачем все ему рассказали. Но не стал казнить дочерей благородный Кушанабха, он похвалил их за благонравие и стыдливость и стал думать, что делать с царевнами дальше. И надумал царь отдать своих дочерей в жены юному Брахмадатте, государю города Кампильи.

Кушанабха отправил к нему послов с богатыми дарами, предложил ему своих дочерей в жены, ничего не скрывая, и Брахмадатта с радостью согласился. Кушанабха отпраздновал пыш-

ную свадьбу, и, когда Брахмадатта прикоснулся к своим женам, совершилось великое чудо: вздутые тела их распрямились и стали юные царицы еще прекраснее, чем были прежде.

Выдал Кушанабха дочерей замуж и остался опять без потомства. Стал он молить богов даровать ему сына, и боги согласились – через некоторое время родился у него могучий сын, и Кушанабха назвал его Гадхи. Это был мой отец, и весь этот прекрасный край был ему подвластен».

Пока Вишвамитра рассказывал, незаметно подкралась ночь: замерли деревья, затихли звери и птицы; яркие звезды – небесные очи – густо усыпали ночное небо, и взошла луна, разрушительница тьмы, радуя своим сиянием сердца всех живущих на земле.

Вишвамитра умолк. Братья-царевичи и отшельники воздали мудрому старцу, искусному в речи, великую хвалу, и все легли отдыхать, чтобы не в тягость был им завтрашний долгий путь.

Рассказ о чудесной корове и подвижничестве Вишвамитры

К концу следующего дня зоркие слуги донесли Джанаке, что едет в Митхилу великий Вишвамитра и охраняют его два могучих и прекрасных воина. Царь, его жрецы и советники поспешили навстречу благочестивому подвижнику, с низким поклоном отворили перед ним городские ворота и проводили его в царские покои. Царь усадил желанного гостя на почетное место, велел подать ему сладкие плоды и прохладную воду и, по обычаю, спросил Вишвамитру, здоров ли он и какие заботы привели его в Митхилу. Вишвамитра ответил царю: «Здесь, в Митхиле, великий государь, богам приносят великие жертвы, и слух о них проник в мою обитель. Вместе со мной пришли в твой город славные сыновья Дашаратхи – Рама и Лакшмана. Они спасли мою обитель от ракшасов Маричи и Субаху и сразили их обоих в ночной схватке. Они здесь, в твоей столице, благочестивый царь, чтобы взглянуть на чудесный лук бога Шивы, Разрушителя Мира».

Рассказ Вишвамитры о воинском искусстве и доблести юных сыновей Дашаратхи, о великом подвиге Рамы изумил Джанаку и его советников. Царский жрец Шатананда, воздав хвалу храбрости Рамы и Лакшманы, сказал обоим братьям: «Счастлив тот, кого одарил покровительством и дружбой мудрый Вишвамитра. Послушайте, я расскажу вам о необычайной судьбе великого подвижника.

В давние времена Вишвамитра, сын Гадхи, внук Кушанабхи, правнук Куши, был царем и правил всей землей много тысяч лет. Однажды он объезжал со своим войском города и селения, реки и горы, леса и хижины отшельников. И встретила ему на пути обитель подвижника Васиштхи, прославленного благочестивыми подвигами, полная благоуханных цветов, чистых водоемов, ярких лугов, птиц и диких зверей. В этой обители Васиштха и его ученики читали священные книги, возносили к небу молитвы и приносили богам жертвы. Пили они только воду, ели плоды и корни, и постелью им служили листья и травы.

Отшельник рад был знатному гостю и предложил ему и его войску отдых, питье и пищу. Но царь Вишвамитра отказался: не хотелось ему брать пищу для себя и своего большого войска у бедных подвижников, изнуряющих себя голодом и суровыми покаяниями. Только Васиштха не принял государева отказа. Он хлопнул в ладоши и громко крикнул: «Эй, Шабала! Иди скорее сюда и выслушай меня».

На его зов прибежала Шабала, божественная корова, обладавшая чудесным даром исполнять любые желания, и Васиштха сказал ей: «Я хочу накормить царственного гостя и все его войско. Пусть каждый воин получит все, что пожелает». И Шабала дала воинам все, что им хотелось: и сахарный тростник, и варенный в молоке рис, и масло, и плоды, и вино, и воду. Гости ели и пили вволю и хвалили гостеприимство Васиштхи. И сказал тогда изумленный царь Вишвамитра: «Послушай меня, о благочестивый подвижник, подари мне Шабалу. Воистину,

ты владеешь драгоценностью, но хранить сокровища – это дело царей, а не подвижников. Сто тысяч коров я дам тебе за нее, и она будет принадлежать мне по праву».

«Не расстанусь я, государь, с Шабалой, – ответил ему Васиштха, – ни за сто тысяч коров, ни за десять раз по сто тысяч. Как слава неразлучна с силой, так и я неразлучен с Шабалой». Тогда царь предложил подвижнику больше. «Я дам тебе за Шабалу, – сказал он Васиштхе, – четырнадцать тысяч слонов в золотом убранстве, восемьсот золотых колесниц, запряженных белоснежными конями, коров и лошадей без счета». Старый отшельник и на этот раз не согласился. «Я ни за что не отдам тебе Шабалу, – сказал он Вишвамित्रе сурово. – Она – моя жемчужина, она – все мое богатство. Нет у меня ничего дороже Шабалы, в ней, в Шабале, вся моя жизнь».

Царь Вишвамित्रа разгневался, велел воинам силой забрать у подвижника корову и отправился со своим войском дальше.

Невесело было божественной Шабале идти с войском царя Вишвамитры, тоска по обители не давала ей покоя. И не вынесла печали чудесная корова. Кинулась она на воинов Вишвамитры, побила их, потоптала и, как ветер, помчалась обратно в обитель. Прибежала Шабала в обитель, подошла к Васиштхе и с обидой спросила: «Чем я провинилась перед тобой, брахман? Зачем ты отдал меня чужому человеку?» – «Ни в чем ты передо мной не виновата, Шабала, – ответил ей Васиштха. – Державный царь забрал тебя своей волей. Где уж мне равняться с ним силой!» Тогда Шабала сказала Васиштхе: «Не печалься. Пусть злой царь приходит сюда с любым войском. Я всех заставлю уйти отсюда с позором».

Благочестивый отшельник повелел Шабале сотворить воинов, храбрых и грозных, и поставил их охранять обитель. И когда царь Вишвамित्रа вернулся к Васиштхе, чтобы снова отнять у него Шабалу, его встретило непобедимое войско. Бросились в бой яростные воины Вишвамитры, и закипела жаркая битва. Сотнями, тысячами гибли воины Шабалы, а на их место она ставила новых. И не выдержал губительной схватки Вишвамित्रа. Войско его все редело и редело, сто сыновей потерял он в этой битве и, наконец, с позором бежал с поля боя.

И стал тогда Вишвамित्रа как птица без крыльев, и похолодели, застыли его душа и сердце. Отдал он свое царство оставшемуся в живых сыну, сказал ему: «Правь землей, как кшатрию подобает», – и ушел в Гималаи. Там он стал жить как отшельник и подверг себя суровому покаянию.

Благочестивые подвиги Вишвамитры тронули грозного бога Шиву, и явился он Вишвамित्रе и сказал: «Чего ты добиваешься, благочестивый? Назови мне твое желание, и я все исполню». Вишвамित्रа ответил Разрушителю Мира: «Дай мне оружие, которым владеют боги, и пусть оно будет мне подвластно». – «Да будет так», – сказал Шива, и велика стала радость Вишвамитры. Он немедленно покинул Гималаи, добрался до обители Васиштхи и стал метать в нее смертоносные божественные диски. Страх овладел подвижниками и учениками Васиштхи, испугались даже птицы и звери. И все бросились бежать куда глаза глядят, и вмиг опустела цветущая обитель. Тогда пришлось сыну Брахмы, благочестивому и мудрому Васиштхе, вступить в бой с Вишвамитрой.

Не помогло божественное оружие Вишвамित्रе, и в этой схватке одолел кшатрия брахман и обратил Вишвамитру в бегство.

Дважды был посрамлен великий царь в борьбе с благочестивым подвижником Васиштхой, и решил он снова уйти в Гималаи и добыть себе у богов брахманство. С сердцем, сгоравшим от стыда и унижения, Вишвамित्रа ушел в горы и предался изнурительному покаянию. Тысячу лет он истязал себя суровым подвижничеством, и боги изумились его упорству и силе духа. Они пришли к нему во главе с Брахмой, и Создатель Мира сказал ему: «Перестань истязать себя, Вишвамित्रа. Отныне ты не просто кшатрий, а царственный подвижник». Но не к этому упорно стремился Вишвамित्रа, и он не прекратил своих покаяний.

Так прошло еще много лет, и случилось однажды Вишвамित्रе увидеть купающуюся в озере красавицу-апсару Менаку. Прельстительная нагота ее сверкнула перед ним, как луч солнца в облачном небе, и сети Камы, бога любви, опутали душу сурового подвижника. И тогда Вишвамित्रа сказал Менаке: «О апсара, я увидел тебя, и могучий Кама лишил меня стойкости и силы. Я прошу тебя, прекрасная, полюби меня и войди в мое жилище». И Менака вошла в хижину Вишвамитры и прожила в ней пять лет, а потом еще столько же. И так велика была страсть Вишвамитры, что десять лет любви показались ему не длиннее одного дня и одной ночи.

А через десять лет стыд и раскаяние одолели его. И прозрел тогда царственный подвижник и понял, что это боги подослали к нему Менаку, чтобы испытать его благочестие и добродетель. Тогда Вишвамित्रа прогнал от себя красавицу-апсару, подавил в себе все мирские желания и подверг себя тяжким мукам. Он стоял, воздев руки к небу, и только воздух один служил ему пищей. Летом он окружал себя пятью кострами, в дождь не укрывался от потоков небесной влаги, а зимой погружался в воду и оставался в воде и днем, и ночью.

Сотни лет простоял Вишвамित्रа с воздетыми к небу руками, и боги снова решили испытать его добродетель. Грозный Индра, Повелитель Небесных Молний, призвал к себе Рамбху, красавицу-апсару, и велел ей соблазнить Вишвамитру. «Ступай к нему в горы, – сказал ей Индра, – и чарующими плясками и пением зажги в подвижнике любовные желания». Рамбха послушно склонилась перед Индрой и направилась к Вишвамित्रе.

Дрогнуло сердце великого подвижника, когда увидел он танцующую Рамбху, когда услышал ее нежный голос. Он смотрел на нее, не спуская глаз, и страсть проникла ему в душу. Но на этот раз суровый подвижник не позволил одолеть себя коварному Каме, не поддавался на хитрые уловки Индры и в гневе проклял Рамбху за лукавство. «Ты хотела смутить мою душу, – сказал ей Вишвамित्रа. – За это на тысячу лет обратишься в камень». И Рамбха обратилась в камень. Горько стало Вишвамित्रе от того, что поддался он гневу. «Отныне не будет в моей душе места страсти, – поклялся он. – Отныне я не произнесу ни слова и до тех пор ни есть, ни пить, ни дышать не буду, пока перед всем миром не объявят меня брахманом боги».

Многие сотни лет простоял Вишвамित्रа, воздев руки к небу, без дыхания, без воды, без пищи, и столь велика стала его святость, что небожителям стало страшно. Испугались боги, что во всем мире не станет преград могучей воле Вишвамитры. Тогда пришли они к Брахме и попросили его даровать Вишвамित्रе все, что он пожелает. И Брахма согласился. Он явился Вишвамित्रе и сказал: «Отныне ты не кшатрий, не царственный подвижник, а великий брахман, и дни твоей жизни будут бесконечны. Все брахманы в этом мире и даже великий Васиштха будут почитать твою святость». И всемогущий Брахма примирил Вишвамитру с Васиштхой, и стали они с тех пор друзьями».

С изумлением слушали Шатананду царь Джанака, его советники и гости, и, когда умолк искусный рассказчик, государь Митхилы почтительно склонился перед Вишвамитрой и сказал: «Необычайна судьба твоя, благочестивый отец, и я рад твоему приходу в Митхилу. Считаю себя здесь господином – все мы в этом царстве твои слуги». Царь Джанака еще раз поклонился Вишвамित्रе и, пожелав гостям доброй ночи, удалился в свои покои.

Лук Шивы и женитьба Рамы и Лакшманы

Когда наступило следующее утро, царь Джанака призвал к себе Вишвамитру и сыновей Дашаратхи и сказал: «Я – твой верный слуга, благочестивый подвижник. Скажи мне, чего ты хочешь в Митхиле?» Вишвамित्रа ответил царю: «Перед тобой, государь, сыновья Дашаратхи, прославленные в этом мире своим воинским искусством. Они знают, что есть в Митхиле могучий лук бога Шивы. Доблестные царевицы просят тебя, великий царь, показать им этот лук».

Рама и Лакшмана, почтительно сложив перед лицом ладони, низко поклонились повелителю Митхилы, и Джанака сказал им: «Да сопутствует вам счастье, отважные воины! Грозный лук Разрушителя Мира издавна хранится и почитается царями Митхилы. Некогда небожители разгневали Шиву, и решил всемогущий бог наказать их за обиду. Он взял свой лук, натянул тетиву и хотел было отправить обидчиков в царство Ямы, бога смерти, да склонились они с повинной перед Шивой, и сжалился он над ними: сменил гнев на милость. Но столь велик был страх у небожителей перед грозным луком, что они упросили Шиву убрать его с небес на землю и подарить земному государю. И чтобы не ведали боги страха и жили спокойно, Шива вручил свой лук Деварате, царю Митхилы, и повелел хранить его в нашем роду вечно. Нерушимым обетом связан я с луком Шивы и берегу этот лук как зеницу ока. Я поведаю тебе, великий Вишвамित्रа, и вам, доблестные сыновья Дашаратхи, о своем обете.

Много лет я царствовал в Митхиле, а боги все не давали мне потомства. И решил я тогда умиловить богов великой жертвой. Всеведущие брахманы, мои советники, выбрали место – поле – для возведения алтаря и велели мне вспахать это поле плугом. И вот когда я, царь Митхилы, шел за плутом, из борозды мне навстречу поднялась вдруг прекрасная дева. То была Сита, моя возлюбленная дочь, дарованная мне Матерью-Землей. И возрадовался я тогда милости небес и принес богам клятву, что лишь тот станет супругом Ситы, кто сумеет натянуть тетиву на могучий лук грозного Шивы.

По всей земле разнеслась молва о божественной красоте Ситы, и отовсюду шли женихи в Митхилу. Многие цари и знатные воины пожелали натянуть тетиву на лук Шивы и взять себе Ситу в жены, но никто из них даже поднять этот лук был не в силах. Тогда царственные женихи оскорбились – почудилось им, что государь Митхилы только потешался над ними. С огромным войском женихи пошли на Митхилу. Целый год осаждали они мою столицу, и вскоре силы мои истощились. Но великие боги не дали меня в обиду, они прислали огромное войско мне в помощь, и враги мои с позором разбежались.

Я покажу сыновьям славного Дашаратхи божественный лук Разрушителя Мира, и, если могучий Рама согнет этот лук и натянет на него тетиву, прекрасная Сита станет супругой Рамы».

«Да будет так», – сказал Джанаке Вишвамित्रа, и государь Митхилы велел своим советникам немедленно доставить во дворец чудесный лук грозного Шивы.

Царские советники послали за луком Шивы большое войско. Пять тысяч могучих воинов с превеликим трудом влекли по улицам Митхилы тяжелую колесницу. У дворца великого Джанаки воины остановили колесницу, сняли с нее огромный кованый железный ларь и поставили его на землю.

«Здесь, в этом ларе, – сказал Джанака Вишвамित्रе, – лежит лук Шивы, почитаемый царями Митхилы. Пусть увидят его сыновья Дашаратхи».

По знаку Вишвамитры Рама открыл ларь, легко поднял одной рукой лук, надел на него тетиву и натянул ее с такой силой, что божественный лук Шивы сломался на две половины. И в тот же миг раздался такой великий гром, как будто огромная гора упала и разбилась на тысячи кусков, и затряслась земля, и в страхе все упали на землю, только Вишвамित्रа, Джанака и сыновья Дашаратхи стояли недвижимо.

Долго Джанака не мог вымолвить от удивления ни слова, а потом обратился к Вишвамित्रе с такой речью: «Великое чудо свершилось сегодня в Митхиле, благочестивый подвижник. Никогда не думал я доселе, что простой смертный может обладать такой дивной силой. Могучий Рама надел тетиву на лук Шивы, и теперь я свободен от нерушимого обета, а прекрасная Сита нашла себе достойного супруга. Она будет преданной женой доблестному сыну Дашаратхи и прославит во всем мире древний род государей Митхилы. Пусть же мчатся мои послы в Айодхью на быстрых колесницах, пусть расскажут обо всем царю Дашаратхе и пригласят его в мою столицу».

И Вишвамित्रа сказал: «Да будет так», и послы Джанаки отправились в Айодхью, чтобы поведать обо всем Дашаратхе и привезти его в Митхилу.

Три дня и три ночи провели в пути послы государя Митхилы, а на четвертый день прибыли в Айодхью. Торжественно вступили они во дворец Дашаратхи, низко поклонились повелителю Кошалы и сказали: «Наш владыка, царь Джанака, шлет тебе, великий государь, привет и желает тебе и твоим ближним благополучия и долгих лет жизни. Наш господин, царь Джанака, велел нам поведать тебе, владыка, что сын твой, могучий Рама, с братом Лакшманой и благочестивым Вишвамित्रой пришел в Митхилу, попросил показать ему лук грозного Шивы и свершил то, что никому на земле до сих пор не удавалось. Он согнул лук Шивы, надел на него тетиву и натянул ее с такой невиданной силой, что лук всемогущего бога сломался на две половины. И государь наш, повелитель Митхилы, верный своему обету, отдает могучему Раме в жены свою дочь, прекрасную Ситу, и приглашает тебя, благородный Дашаратха, на свадьбу в Митхилу».

С великой радостью выслушал Дашаратха послов государя Митхилы, щедро одарил их за счастливые вести и сказал своему советнику Васиштхе: «Царь Джанака милостиво встретил сына Каушалы в Митхиле и отдает ему свою дочь в жены. Сита славится во всем мире неземной красотой и добрым нравом, а родство с государями Митхилы еще больше возвысит наше царство. А посему надлежит нам, мудрый Васиштха, спешить в Митхилу на великий праздник, на свадьбу моего любимого сына.

Приготовь, Васиштха, щедрые дары для Джанаки и Ситы, для всех ближних государя Митхилы. Возьми из казны моей, не жалея, золотые ожерелья и дорогие камни-самоцветы, шитые серебром и золотом ткани; возьми молодых рабынь, красивых и кротких; боевых слонов, грозных и могучих; резвых скакунов из царских конюшен и пошли мои дары в Митхилу под охраной надежного войска. И прикажи моему возничему Сумантре готовить в дорогу колесницы, чтобы выехать нам завтра утром в Митхилу».

На следующее утро Дашаратха, его сыновья, жены и советники взошли на сверкающие золотом колесницы и под охраной большого войска выехали из ворот Айодхьи. С радостным сердцем спешил Дашаратха увидеть Раму, Лакшману и Вишвамитру, и на пятый день пути взору государя Кошалы предстали высокие стены Митхилы.

С великими почестями встретил Джанака благородного Дашаратху у ворот столицы и сказал: «Я счастлив видеть тебя в Митхиле, государь. Чудесный подвиг Рамы породнил нас, преславный Дашаратха, и свадьба детей наших укрепит и возвеличит наши царства. Войди же, государь, в мою столицу и будь в ней не гостем, а полновластным господином».

Дашаратхе по сердцу пришлось и великие почести, и приветливые речи государя Митхилы, и он ласково ответил Джанаке: «Мои мудрые наставники, ученые брахманы, еще в детстве внушили мне не отвергать дарованное. Твоя дочь, красавица Сита, – воистину, божий дар, а дружба и союз с тобою, благородный Джанака, – великое благо».

Джанака и его советники проводили знатных гостей в отведенные для них покои, и государи, довольные друг другом, расстались до следующего утра.

На другой день во дворце царя Митхилы стали готовиться к свершению свадебных обрядов. Джанака радовался родству и союзу с могущественным государем Кошалы и обратился к Дашаратхе с такой речью: «Есть у меня, великий царь, другая дочь, юная и прелестная Урмила, а у тебя есть сын, доблестный Лакшмана, верный брат могучего Рамы. Я отдам отважному Лакшмане в жены лотосооковую и кроткую Урмилу, и пусть вечной будет наша дружба». – «Да будет так», – с радостью согласился Дашаратха, и тогда в беседу государей вступил мудрый и благочестивый Вишвамित्रа.

«О великий царь, – сказал Джанаке Вишвамित्रа, – у брата твоего Кушадхваджи есть две дочери, прославленные красотой и благородством. Пусть брат твой отдаст их в жены сыновьям Дашаратхи Бхарате и Шатругхне, пусть брахманы, искушенные в свадебных обрядах, соединят

завтра сыновей Дашаратхи с прелестными царевнами Митхилы, и да будет дружба двух царств нерушима».

Мудрые слова благочестивого старца Вишвамитры пришлись по сердцу обоим государям, и на радостях они подарили брахманам Митхилы и Айодхьи тысячи коров, сотни лошадей, много золота, серебра и драгоценных тканей.

Для свершения свадебного обряда царские зодчие построили высокий помост, украсили его цветами и золотом и поставили на нем алтарь. Благочестивый Васиштха прочел над помостом священные заклинания, брахманы развели на алтаре огонь и принесли жертвы богам. Затем брахманы подвели к алтарю Ситу и Раму, одетых в богатые свадебные наряды, и поставили их друг против друга. И Джанака сказал: «Да сопутствует тебе счастье, могучий Рама! Прими дочь мою Ситу, и да будет она спутницей твоей в исполнении жизненного долга. Да будет она предана супругу и да следует она, как тень, за тобой повсюду!»

Потом брахманы подвели к алтарю Лакшману и напротив поставили Урмилу, а против Бхараты и Шатругхны встали дочери Кушадхваджи – Мандивья и Шрутакирти. Джанака каждому из сыновей Дашаратхи сказал те же слова, что и Раме, а затем женихи взяли своих невест за руки и торжественно обошли вокруг священного огня, царственных своих отцов и благочестивых брахманов. И столь угоден был небожителям свершившийся обряд, что посыпались с небес на землю ароматные цветы, весело заиграли небесные музыканты – гандхарвы и закружились в пляске красавицы-апсары.

Веселый пир устроил в своем дворце щедрый и радостный государь Митхилы, и были на том пиру знатные гости из Кошалы, именитые горожане Митхилы, могучие соседние государи. Красноречивые сказители славил царевичей Айодхьи и царевен Митхилы, славил великих государей Джанаку и Дашаратху и желали их детям счастья и удачи.

На другой день после свадьбы Вишвамитра удалился в горы, в свою обитель, а царь Дашаратха стал собираться в обратный путь в Айодхью. Джанака подарил сыновьям Дашаратхи, их юным женам и своему другу, повелителю Кошалы, множество рабов и рабынь, лошадей и слонов, дорогих камней-самоцветов, золотой и серебряной посуды. Он проводил гостей до ворот Митхилы, сердечно с ними попрощался, и Дашаратха с сыновьями направился в Айодхью под охраной грозного войска.

Поединок Рамы с сыном Джамадагни и возвращение в Айодхью

Едва царские колесницы удалились от Митхилы, как Дашаратха заметил, что заматались в тревоге звери и задул, сотрясая землю, могучий ветер. Страшно закричали в лесу птицы. Черная пелена закрыла солнце, и стало вдруг темно, как глубокой безлунной ночью.

Вдруг перед колесницей Дашаратхи из темноты появился страшный и несокрушимый истребитель кшатриев, сын Джамадагни, по имени Рама. Глаза его были красны от гнева, волосы на голове стояли дыбом, а на плече лежал острый топор и за спиной висел губительный лук бога Вишну. Он приблизился к Дашаратхе грозный, как Шива, повергая брахманов и воинов Айодхьи в трепет. Голосом гулким, как раскаты грома, Рама, сын Джамадагни, сказал, обращаясь к Раме, сыну Дашаратхи: «Некий кшатрий несправедно убил моего отца, благочестивого брахмана Джамадагни, и тогда я поклялся, что уничтожу всех кшатриев на земле. Я слышал о твоей удивительной силе; я слышал, что ты сломал могучий лук бога Шивы. Я хочу драться с тобой в честном поединке, но сначала ты докажи мне, что у тебя есть силы для битвы со мной. У меня за спиной висит лук бога Вишну, он ничем не уступит луку Шивы. Попробуй натянуть его тетиву, прославленный сын Дашаратхи, и, если тебе это удастся, я вступлю с тобой, могучий воин, в единоборство».

Страшная молва катилась по земле о беспощадном губителе кшатриев, сыне Джамадагни. Сердце старого Дашаратхи затрепетало от страха за жизнь его возлюбленного сына, и, смиренно сложив ладони, он стал умолять сына Джамадагни отступить. «Ведь ты уже утолил свой гнев против нашей касты, – сказал ему Дашаратха, – и давно живешь в лесах как благочестивый подвижник. К чему тебе, о праведник, битва? Возлюбленные сыновья мои еще дети».

Но сына Джамадагни не смягчили униженные слова царя Айодхьи. Тогда Рама, сын Дашаратхи, пришел в ярость. «Ладно, – сказал он сыну Джамадагни, – ты испытася сейчас мою силу». С этими словами царевич Рама взял в руки лук Вишну, приладил к нему смертоносную стрелу и, натянув тетиву, выстрелил в грудь сына Джамадагни. И вмиг не стало страшного истребителя кшатриев, и спала черная пелена с солнца, и все вокруг прояснилось. И тогда Рама сказал изумленному Дашаратхе: «Сын Джамадагни не потревожит нас больше, государь, и мы можем спокойно продолжать наш путь в Айодхью».

С радостью обнял царь Дашаратха своего могучего и непобедимого сына и, успокоенный, поспешил в свою столицу.

Радостными кликами встречали жители Айодхьи своего государя, его отважных сыновей и юных прекрасных дочерей царя Митхилы. Улицы столицы были чисто убраны и политы водой, дома украшены стягами и цветами, весело гремели трубы и литавры, певцы и сказители громко славили удивительные подвиги Рамы, старшего сына Дашаратхи.

Счастливейшим из государей вступил в свой дворец гордый Дашаратха со своими могучими сыновьями, с прелестными царевнами Митхилы. Молодым супругам отвели особые покои, служить им стали послушные рабы и рабыни, и радость воцарилась во дворце повелителя Айодхьи.

Однажды Дашаратха сказал Бхарате, своему сыну, что его и Шатругхну зовет в гости дядя царевичей Ашвапати. Бхарата и Шатругхна поехали в гости к царю Ашвапати, а великий Рама ведать стал царскими делами, помогать отцу править государством.

В радости и согласии жил Рама со своей супругой, красавицей Ситой, и счастлив был ее добротой и любовью.

Книга вторая Айодхья

Отречение царя Дашаратхи

Когда Бхарата покинул Айодхью, чтобы отправиться в город, где правил брат его матери, он взял с собой юного Шатругхну, не ведающего грехов. Оба царевича были приняты добрым царем Ашвапати в его доме как родные сыновья. Окруженные великим почетом и угождением, жили братья в столице Ашвапати, но не переставали помнить о своем престарелом отце. И царь Дашаратха не забывал своих сыновей Бхарату и Шатругхну, пребывающих вдали от родного дома.

Все четверо сыновей были дороги Дашаратхе как члены собственного тела, но первенец, могучий Рама, был отцу всех дороже.

Никто не мог сравниться с царевичем в силе и отваге, и всех превзошел Рама ученостью, и воспитанием, и мудрым разумением. Исполненный добродетелей, он никогда не кичился и не выискивал пороков у других. Чистый душою, он был приветлив и кроток в обращении, незлобив, прямодушен, почтителен со старшими. Постоянно в часы отдыха от упражнений в воинском искусстве он вел полезные беседы с умудренными возрастом, наукою и опытом мужами; и не было никого, кто более Рамы был сведущ в делах и обязанностях правителей государства. Он знал Веды и веданги, законы и обычаи, был красноречив и рассудителен; и он никогда не уклонялся с пути долга. Он был щедр и милостив к беднякам, почитал брахманов, был сострадателен к несчастным и сурово карал злодеев. Безмерно добр он был к своим подданным, и подданные любили его.

И вот царь Дашаратха, радуясь тому, что сын его наделен столькими достоинствами, и поразмыслив, так сказал себе: «Я должен позаботиться о том, чтобы Рама, любимый сын мой, стал царем еще при моей жизни. Я знаю, что всегда стремится он к благу народа. И народ предан ему еще больше, чем мне. Поставив Раму на царство, смогу я спокойно покинуть этот мир».

Царь объявил советникам о намерении своем и повелел созвать в Айодхью благородных раджей и властителей из различных стран земли. Только Джанаку и царя кекаев второпях не успел пригласить Дашаратха, но решил, что потом пошлет к ним гонцов с добрыми вестями.

И из разных стран пришли в Айодхью во множестве раджи и владетельные кшатрии со своими воинами и слугами и явились в собрание, где восседал могучий Дашаратха, покоритель вражеских городов, и сели по старшинству на те места, которые он указал им. И подвластные Дашаратхе цари, пребывающие обычно в его столице, сошлись там, и в окружении царственных воинов владыка Айодхьи восседал на блистающем троне, как владыка небес в окружении бессмертных богов.

Тогда сказал Дашаратха в собрании раджей голосом, подобным раскатам грома, торжественным и звучным: «Ведомо вам, о мужи, сколь я радею о благе страны и народа, следуя в том славным предкам моим, – ведь все они пеклись о подданных, как о собственных детях. Но многие тысячи лет протекли с тех пор, как начал я править землею под сенью белого балдахина государей, старость согнула мои плечи, и бремя царского долга утомило меня. Ныне я стремлюсь к покою, и с согласия всех собравшихся здесь дважды рожденных, ради блага подданных я возлагаю тяжкое это бремя на старшего моего сына, одаренного всеми качествами, какие должно иметь государю. Завтра утром я намереваюсь возвести его на трон. Думаю я, что не только для меня, но и для всей страны будут от этого великая польза и утешение. Рассудите

же, о мужи, прав ли я; ведь беспристрастные мыслят здраво, и лишь свободное суждение ведет к решению, согласному с истиной».

Едва окончил Дашаратха свою речь, как раздалась в собрании громкие возгласы одобрения. Цари, военачальники и брахманы, горожане и жители дальних областей выразили непритворную радость; многократно воздали они хвалу благодетельной мудрости Дашаратхи и достоинствам Рамы. Воздев над головою руки со сложенными ладонями, они единодушно изъявили свое согласие с решением царя.

Видя эти многочисленные знаки одобрения, царь Дашаратха возрадовался душою и поручил Васиштхе и другим брахманам приготовить на завтра все для обрядов, совершаемых при возведении наследника на трон, и тогда приветственные клики собравшихся сотрясли землю. Дашаратха же, отдав распоряжения Васиштхе, призвал к себе Сумантру, колесничего, и повелел ему отправиться за Рамой и привезти его в собрание.

И Дашаратха, стоя в том блистательном собрании среди царей Севера и Юга, Востока и Запада, среди арийских властителей и вождей варваров, как Индра-громовержец среди марутов, узрел своего сына, приближающегося ко дворцу в сиянии своей красоты и мужества, обликом подобного повелителю гандхарвов, любезного взорам и сердцам людей, как благодетельный ливень, укрощающий жестокий зной летнего дня.

Сойдя с колесницы, Рама быстро взбежал по ступеням дворцовой лестницы – Сумантра же шел за ним следом – и предстал перед отцом, сложив смиренно ладони. И, возгласив имя царя, Рама склонился к его ногам. Царь Дашаратха взял сына за руки, привлек его к себе и обнял. Потом он указал Раме место, приготовленное для него на возвышении, украшенном золотом и драгоценными камнями, и, возведя сына на возвышение, излучающее золотой блеск, царь обратился к нему с такими словами: «Рожденный первою моею женою, равной мне достоинствами, украшенный высокими добродетелями, ты, о Рама, мой достойный сын, милый сердцу! Твое величие и благородство духа принесли тебе славу и любовь народа; потому в эти дни, когда луна пребывает в созвездии Пушья, прими звание государя. Да будет правление твое благим для твоего народа; обуздывая гнев и страсть, избегай зла, храни смирение; верши мудро правосудие над подданными, и тем ты умножишь их любовь и преданность и великое познаешь блаженство, с коим сравнится лишь то, что доступно вкушающим амриту бессмертным богам».

Услышав речи Дашаратхи, друзья и доброжелатели Рамы поспешно покинули собрание, чтобы принести радостные вести царице Каушалье. И эта лучшая из женщин щедро одарила добрых вестников золотом, и коровами, и всяческими драгоценностями.

Разошлись и другие, присутствовавшие в собрании, воздав почести царю и царскому сыну. Дашаратха же удалился во внутренние покои и там, призвав к себе Раму, сказал ему: «О Рама, я исполнил свой долг в этом мире, и все, что мне еще осталось, – это возвести тебя на трон. В минувшую ночь, о сын мой, я видел зловещие сны. Звезды падали с неба со страшным ревом, и громовые раскаты сотрясали землю. Прорицатели говорят, что звезда моей жизни вошла в сочетание с враждебными планетами – Солнцем, Мангалой и Раху. Все это предвещает царю ужасное несчастье, грозящее смертью. И в последнее время недобрые знамения появляются всюду – в небе, в воздухе и на земле; тяжкие испытания предстоят государству.

«Завтра луна войдет в созвездие Пушья» – так говорят звездочеты; завтра при благоприятном положении светил ты будешь возведен на трон. И потому, когда зайдет солнце, ты соверши вместе с Ситой необходимые обряды, и на ложе из травы куша вы проведете ночь в посте и покаянии. И пусть в эту ночь твои друзья бдительно охраняют твои покои, дабы предотвратить все беды, какие могут воспрепятствовать тому, что должно совершиться завтра».

Затем Дашаратха благословил сына и покинул покой, чтобы распорядиться о приготовлениях к завтрашним торжествам.

А весть об избрании Рамы уже разнеслась по столице, и возликовал народ Айодхьи, и вышел на улицы, чтобы приветствовать будущего царя, возвращающегося из чертогов Дашаратхи в свой дом.

Злая горбунья Мантхара

Мантхара, подруга и наперсница царицы Кайкейи, выросшая вместе с нею, бывшая служанка в доме ее дяди, выглянув из окон дворца, увидела, что улицы Айодхьи украшены стягами и цветами и полны народа. Она услышала музыку и пение ведийских гимнов и радостный говор толпы, мешающийся с ревом слонов, ржанием лошадей и мычанием коров. Повстречав в дворцовых покоех няньку, одетую в нарядное платье из белого шелка, поспешающую куда-то с радостным лицом, Мантхара спросила у нее о причине всеобщего ликования и узнала, что Рама должен быть возведен завтра на царский трон.

Мантхара, безобразная и завистливая сердцем горбунья, услышав это от няньки, возгорелась потаенной злобой. И, поспешив тотчас же к Кайкейи в ее спальню, где та покоилась еще на своем ложе, не восстав ото сна, она обратилась к царице с такими словами: «Вставай, о неразумная! Время ли спать? Великая опасность надвигается на тебя. Ведомо ли тебе, что счастье твое, неверное, как речное половодье летом, ускользает от тебя ныне?»

Встревоженная словами горбуньи, Кайкейи спросила, трепеща от страха: «Какая беда случилась, о Мантхара? Что означает твой вид, исполненный смятения и горести?» Мантхара ей сказала: «О благородная, тебе грозит ужасное и непоправимое несчастье. Царь Дашаратха решил возвести Раму на трон. Безмерный страх объял меня, когда я услышала об этом, и, словно горя в огне, я поспешила к тебе, поглощенная заботой о твоём благе. Ведь твоё горе, о Кайкейи, умножает мои страдания, и моё благополучие возрастает вместе с твоим. О несчастная, ты лелеяла на своей груди ядовитую змею – твоего супруга. Речи его источают мед, но сердце исполнено зла. Отослав Бхарату в дом твоих родичей, коварный Дашаратха возжелал отдать Раме царство своих предков. Утешая тебя ласковыми словами, он готовит погибель тебе и твоему сыну; пришло для тебя время помыслить о том, что ты можешь сделать для своего спасения». Услышав слова горбуньи, прекрасная Кайкейи преисполнилась радости и привстала на своем ложе, подобная ясному лунному свету осенней ночи; и она одарила Мантхару драгоценным украшением как добрую вестницу. «О Мантхара, – сказала она, – новость, которую ты принесла мне, отрадна моему сердцу. Ведь я люблю Раму, как родного сына, и ничто не утешило бы меня больше, чем вступление его на царство. За эту весть, о Мантхара, требуй от меня какой хочешь награды».

В ярости швырнула горбунья богатое украшение наземь и так сказала царице Кайкейи: «Чему ты радуешься, безумная? Или ты не видишь, что ты – на краю бездны? Горько мне, царица, но я смеюсь в душе, глядя на тебя. Какая женщина в здравом уме станет радоваться успеху сына жены-соперницы? Ты будешь служить как рабыня гордой Каушалье, она будет помыкать тобою и нами всеми, и сын твой будет ждать милости от Рамы, словно слуга; я дрожу при мысли об этом».

«Но Рама справедлив и предан истине, благочестив и добродетелен, – отвечала Мантхаре Кайкейи. – Он старший сын царя и наследует царство по праву. Он будет милостив к своим братьям и ко всем своим родным, как и его отец. Почему же ты горюешь, о горбунья, услышав о вступлении Рамы на трон? Минут годы, и для Бхараты придет время царствовать. Власть же над страной принадлежит ему столько же, сколько и Раме, и я не утрачу почета нисколько в сравнении с Каушальей».

Задыхаясь от ярости, Мантхара сказала: «Скуден твой разум, не отличишь ты доброго от злого, и тебе не постичь беды, нависшей над тобою. Рама будет царем, а после Рамы – его сын; Бхарата же навсегда отпадет от рода государей. Не могут все сыновья царя быть царями;

великая смута возникла бы, когда бы все они взошли на трон. И потому цари, о Кайкейи, возлагают бремя правления на старшего сына, если он того достоин, или на младшего, когда тот более добродетелен.

Недобрая судьба ожидает Бхарату. Пойми, что сердце мое терзается только из-за тебя. Нет сомнения в том, что Рама, обрета власть, не замедлит отослать твоего сына в отдаленную страну или же в другой мир. Рама не причинит зла преданному ему Лакшмане – эти двое всегда стоят друг за друга; но Бхарата для Рамы – соперник и враг, и горе ему, если Рама воцарится на троне. Подумай же о том, что можно сделать для спасения Бхараты и для блага всех твоих родных и близких. Сделай так, чтобы сын твой Бхарата получил царство, а Рама был изгнан в леса; только этим ты избавишь нас от великого несчастья. Иначе Бхарата будет сокрушен Рамой, как слон, преследуемый львом в лесной чаще; а Каушалья припомнит тебе, о гордая жена, все обиды, которые ты некогда нанесла ей. Помысли же о средствах победить и изгнать твоего врага, или ты погибнешь вместе со своим сыном».

Тогда Кайкейи с лицом, пылающим от гнева, сказала Мантхаре: «Сегодня же я пошлю Раму в изгнание и немедля возведу Бхарату на царский престол. Но скажи, как могу я совершить это?» И Мантхара, злая горбунья, завидующая счастью Рамы, сказала: «Есть средство, о Кайкейи, – или ты забыла о нем, или молчишь о нем, чтобы услышать из моих уст то, что сама ты некогда поведала мне». – «Какое средство?» – спросила Кайкейи, приподнимаясь на ложе.

И вот о чем напонила ей Мантхара.

«В давние времена, – молвила горбунья, – когда боги воевали с демонами, твой супруг, о царица, взяв тебя с собою, выступил однажды из Айодхьи, чтобы вместе с другими царственными подвижниками оказать помощь в той войне повелителю бессмертных. Далеко на юге, в лесу Дандака, ракшасы, напав внезапно ночью, в кровавом бою истребили много отважных воинов. Царь Дашаратха сражался, не ведая страха, но был сокрушен вражеским оружием и лишился чувств; тогда он был увлечен тобою с поля битвы. В этот миг смертельной опасности, тяжело израненный, царь был спасен тобою, о достойная жена, и в благодарность за это он обещал исполнить два любых твоих желания. Ты же сказала, что примешь дар тогда, когда желание такое у тебя возникнет, на что он отвечал тебе: «Да будет так». Ты сама рассказала мне об этом когда-то, о благородная, и из любви к тебе я сохранила все в памяти. Заставь же теперь царя отказаться от его решения. Напомни ему о его обещании и потребуй двух даров: избрания Бхараты на царство и изгнания Рамы в леса на четырнадцать лет.

Сейчас удались в дом гнева, о царица, и ложись на непокрытом полу, одетая в запыленные одежды. Не смотри на царя и не говори с ним. Только плачь, когда увидишь, что опечалился владыка земли. Ведь ты его любимая жена, ради тебя он войдет в огонь. Он будет предлагать тебе золото, и жемчуга, и драгоценные камни, но ты будь стойкой и не склоняйся пред ним. Напомни ему о тех двух дарах, которые он обещал тебе во времена войны богов и демонов, и он тебе отказать не посмеет».

И, приняв за добро то, что поистине было злом, Кайкейи возрадовалась при мысли об исполнении своих желаний. Осыпав Мантхару похвалами и обещав щедро одарить ее, когда обретет желаемое, прекрасная Кайкейи последовала за горбуньей в дом гнева. Там, сняв с себя украшения, она опустилась наземь и сказала Мантхаре по ее же наущению: «Ступай, о лучшая из горбуньей, и скажи царю, что я не покину этого места, пока не уйдет в леса Рама, а Бхарата не сядет на трон». И, подстрекаемая вновь и вновь коварной Мантхарой, Кайкейи сказала, дрожа от гнева: «Если не покинет Рама Айодхью, не нужно мне ни ложа, ни украшений, ни еды, ни питья. Или он уйдет в изгнание на долгие годы, или я удалюсь в обитель смерти». С этими жестокими словами она распростерлась на земле, усыпанной сброшенными ею с себя драгоценными украшениями.

Два желания Кайкейи

Между тем Дашаратха, отдав необходимые для грядущего торжества распоряжения, отпустил приближенных и слуг и вернулся во внутренние покои. Он вспомнил, что любимая жена его Кайкейи не знает еще об избрании Рамы, и поспешил к ней, чтобы обрадовать ее благой вестью. И он вошел в покои Кайкейи, подобные обители бессмертных, украшенные золотом, и серебром, и слоновой костью, полные карлиц и шутих, редкостных вещей и драгоценных камней и необыкновенных яств и напитков; там цветущие и отягченные плодами деревья осеняли пруды с прозрачной водою, и оглашались те покои сладкими звуками лютни и криками попугаев, павлинов, лебедей и птиц краунча. Но, войдя во внутренний покой, могучий царь не нашел свою возлюбленную Кайкейи на ее ложе.

Царь, огорченный, – ибо никогда еще в это время дня не заставал он покои пустыми, – выйдя оттуда, спросил стража, стоявшего у дверей, о царице, и тот поспешил ответить ему, что благородная царица, рассерженная чем-то безмерно, удалилась в дом гнева. С тревогою в сердце вступил Дашаратха в дом гнева и узрел жену свою, которая ему была милее жизни, распростершейся на земле в неподобающем ей виде, словно павшая апсара или киннари, низринутая за грехи с небес, подобно лани, пронзенной отравленною стрелой охотника.

И царь, пораженный скорбью, нежно коснулся лотосоглазой Кайкейи и сказал: «Я не знаю, за что гневаешься ты на меня. Кто обидел тебя, о благородная? Если злой недуг вселился в тебя, назови его – у меня есть искусные лекари, щедро одарю я их, и они исцелят тебя. Или ты хочешь, чтобы я покарал кого-нибудь? Или кого-нибудь наградил? Не скрывай своих мыслей, о ты, наполнившая мое сердце печалью! Нужно ли предать кого-нибудь смерти? Или отпустить на свободу заточенного в темницу? Сделать бедняка богатым? Или богача – нищим? Ты знаешь, что я никогда не посмею воспротивиться твоему желанию – повелевай мною! Клянусь моими добрыми деяниями, я все сделаю, чтобы развеять твою тоску!»

Так говорил царь прекрасной Кайкейи, она же, тая в душе недобрые желания, отвечала ему: «Никто не обидел меня, о могучий царь. Я скажу тебе о том, чего я хочу, но прежде обещаю, что исполнишь просьбу мою без промедления». И Дашаратха сказал: «Клянусь тем, кто мне всего дороже, опорой моей жизни, Рамой, моим ненаглядным сыном клянусь, я исполню желание твоего сердца!»

Тогда сказала Кайкейи, помышляющая лишь о собственной пользе, готовая поразить слух супруга жестокой и губительной речью: «Ты поклялся и ты обещал мне, что свершится то, чего я желаю. Да услышат твою клятву тридцать и три божества с Индрой во главе! Да услышат ее Солнце, и Луна, и Небо, и Планеты, и Ночь, и День, и Страны света, и Земля, и все живые существа! Я призываю богов и вселенную в свидетели твоих слов, о царь, прославленный справедливостью, благочестием и верностью данному слову!» И, так заклиная царя, Кайкейи напомнила ему его обещание, данное в дни войны богов и демонов.

«Ныне, о потомок Рагху, – молвила Кайкейи, – я хочу получить обещанные дары. И если ты откажешь мне теперь, презренная тобою, я отрекусь от жизни». Затем, опутав царя коварной речью, как петлею оленя, попавшего в ловушку, и подчинив его своей власти всецело, она сказала: «Выслушай же меня, о государь. Дошло до меня, что идут приготовления к свершению обрядов в честь Рамы, вступающего на трон. Повели, о праведный царь, чтобы на трон взошел Бхарата. Пришло время исполнить и второе мое желание – пусть Рама, одевшись в оленьи шкуры, удалится в леса Дандака и ведет там жизнь отшельника девять и еще пять лет. Ты же отдай Бхарате царство, свободное от посягательств Рамы. Вспомни о своем обещании, о владыка, и, верный своему слову, да будешь ты царем царей».

Внимая нечестивым речам Кайкейи, Дашаратха в смятении сказал себе: «Снится ли мне дурной сон, или помрачился мой разум? Или злой дух овладел мною?» И не в силах понять

причину происходящего, он лишился чувств. Когда же он пришел в себя и вспомнил слова Кайкейи, сердце его преисполнилось скорби. И с тяжким вздохом, пораженный горем и мукой, словно олень, завидевший тигрицу, царь опустился на непокрытую землю и снова лишился чувств. Нескоро возвратилось к нему сознание; тогда он сказал Кайкейи, пылая гневом: «О ты, губительница рода! Что сделал тебе дурного Рама, злая женщина? Он всегда почитал тебя, как родную мать. За что же ты ненавидишь его? На погибель свою взял я тебя в этот дом, как змею, таящую в себе смертельный яд. Всеми прославлены добродетели Рамы; за что же я отрекись от своего любимого сына? Скорее откажусь я от Каушалы, или от Сумитры, или от царства, но не от Рамы; скорее мир может существовать без солнца, без воды и хлеба, нежели я смогу жить без Рамы, сына моего. И потому, о ты, стремящаяся к несправедливой цели, забудь о своем намерении! Как появилась у тебя эта ужасная мысль? Ты всегда говорила мне, что Рама столь же дорог тебе, как и благородный Бхарата. И доныне ты никогда не совершала ничего недостойного и никогда не причиняла мне горя. О милая, я не могу поверить, чтобы в здравом уме ты вела когда-нибудь такие безрассудные речи. Опомнись, о Кайкейи! Видишь, я кладу мою голову к твоим ногам. Сжался надо мною! Я стар и стою на краю могилы. Будь доброй матерью Раме и избавь меня от греха!»

Кайкейи, не вняв увещанию, обратилась к царю, терзаемому горем, с речью, еще более жестокой. «Если ты, о повелитель, обещав дар, раскаиваешься после, – сказала она, – зачем похваляешься ты, о могучий, своею праведностью в этом мире? И что скажешь ты святым мудрецам, когда спросят они тебя об этом? Ты скажешь: «Я нарушил свое слово, данное той, кому обязан жизнью»? Ради того чтобы угодить Каушалю, ты покроешь позором род Икшваку? Я же и дня не проживу, если увижу, что Каушалю воздадут почести, как царице-матери, – смерть я приму тогда как избавление. Если ты откажешь мне, я выпью яд в тот же день и умру на твоих глазах. Клянусь моим сыном, который мне дороже собственной жизни, только изгнание Рамы умиротворит меня».

Сказав так, Кайкейи умолкла. И царь, пораженный услышанным, взирал на нее, не в силах произнести ни слова. Затем, охваченный горестью, он поник, как дерево, подрубленное топором, и чувства в нем помутились, как у безумного. И он сказал Кайкейи такие слова, исполненные печали и отчаяния: «Кто внушил тебе, что достоин избранный тобою путь, нечестивый и гибельный? Или нет у тебя стыда, что ты обращаешься ко мне с речами, словно подсказанными злым духом? Увы! Я не знал доныне, сколь извращена твоя природа. По неведению я доверился тебе, как ребенок, играющий с ядовитой змеею. Проклятье женщинам, коварным и лживым! Но нет, я говорю не о всех женщинах, лишь о матери Бхараты. О ты, желающая всех лишиться счастья, о жестокосердая, или бог сотворил твою душу столь подлой для того только, чтобы мучить меня? Но я не переживу изгнания Рамы. Ты останешься вдовою и будешь править царством вместе со своим сыном. Будь тогда счастлива, низвергнув в ад меня, и Каушалю, и других моих сыновей. Что скажу я теперь царям и моим советникам, и народу после того как, побуждаемый всеобщим одобрением, я объявил об избрании Рамы? Все станут говорить: «Безрассудный и сластолюбивый царь Дашаратха сослал в леса своего сына ради прихоти молодой жены». О горе мне! Что скажу я Каушалю? Что станет с Ситой, когда услышит она весть об изгнании Рамы? О ты, навлекшая позор на род царей кекаев, о злодейка, не ведающая стыда, ты можешь броситься в огонь, принять яд, скрыться под землею – я не исполню твоего желания, несущего гибель мне и моему роду. Я не хочу видеть тебя живой, о ты, испепеляющая мое сердце, отнимающая у меня жизнь! Подумай, как стану жить я без Рамы! Как жить отцу, лишившемуся сына? О нет, ты не должна, о благородная, причинять мне зло. Я припадаю к твоим ногам – сжался надо мною!»

Но тщетно царь молил Кайкейи, тщетно горькие обращал к ней упреки; она презрела его мольбы и слезы и, упорствуя в намерении своем, замкнулась в безжалостном молчании.

А меж тем солнце село и наступила ночь; но не принес ее приход покоя несчастному царю. Тяжко вздыхая, возвел глаза к небу старый Дашаратха и молвил: «О ночь, блистающая звездами, внемли моим стенаниям – пусть никогда не наступит утро! Будь милостива ко мне и скрой от взора моего ненавистную Кайкейи, ввергшую меня в пучину горя!» И, сказав это, он распростерся на земле, пораженный как ударом грома постигшей его бедою.

Рама во дворце Дашаратхи

Когда минула ночь и настало утро, повсюду зазвучали трубы, и загремели барабаны, и пробудился весь город и наполнился радостным шумом. Здания украсились стягами; они реяли над кровлями храмов и богатых домов, как белые облака над горными вершинами. Народ собрался на террасах и у дверей домов на пути от жилища Рамы до царского дворца. И с утра потянулись в Айодхью со всех сторон жители окрестных и дальних деревень, прослышавшие о вступлении Рамы на престол.

В это утро, в час благоприятного расположения светил, мудрый Васиштха, сопровождаемый своими учениками, все приготовившими для обряда, вступил в лучший из городов – Айодхью, – улицы которого, чисто выметенные, политые водою и украшенные, благоухающие сандалом и агуру, заполнены были ликующей толпой. У ворот дворца Дашаратхи Васиштху встретил царский колесничий, и мудрец повелел ему немедленно войти к своему государю и объявить, что все готово для предстоящего празднества.

«Скажи государю, – молвил Васиштха, – что и золотые сосуды с водою из Ганги и из океана, и мед, и молоко, и восемь прекрасных дев, и дикий слон, и колесница, запряженная четырьмя конями, и меч, и превосходный лук, и балдахин, белый, как лунный свет, и серый буйвол, спутанный золотой цепью, и могучий лев, и трон, и тигровая шкура, и коровы, и различные священные животные и птицы – все доставлено в надлежащее время, и брахманы ждут только царского слова, чтобы начать обряды».

И Сумантра вошел в царские покои, куда он имел доступ во всякое время дня, и стража беспрепятственно пропустила его. Представ перед царем и Кайкейи, он с радостью возвестил о приходе Васиштхи; но ничего не ответил ему Дашаратха, угнетенный отчаянием и скорбью. Тогда, видя, что царь не в силах заговорить, Кайкейи сказала удивленному колесничему: «Сумантра, государь утомился, бодрствуя всю ночь в ожидании счастливого события. Ступай не мешкая и приведи во дворец Раму, достойного сына царя». – «Как пойду я, – возразил Сумантра, – без повеления государя?» И Дашаратха сказал ему: «Ступай за Рамой, Сумантра, я хочу его видеть».

Выслушав эти слова, колесничий удалился, не подозревая дурного, чтобы исполнить волю царя и царицы.

Прибыв ко дворцу Рамы, блистающему великолепием и красотой, подобно белому облаку в осеннем небе, Сумантра увидел у входа толпы горожан, явившихся поутру с дарами, и царских советников на конях и в колесницах, собирающихся сопровождать Раму, и огромного слона, подобного горе, готового нести царевича к месту торжества. И, вступив во дворец, Сумантра, сведущий в обычаях, приказал стражам, охраняющим покои царского сына: «Пойдите и скажите Раме, что Сумантра ждет у ворот».

Рама, услышав о приходе колесничего, повелел провести его в покои; и Сумантра, войдя, узрел царевича, восседающего с Ситой на золотом возвышении, покрытом дорогим ковром. Узнав от Сумантры, что царь и Кайкейи хотят видеть его, Рама, обрадованный, обратился к Сите и сказал ей: «О милая, нет сомнения, что добрая царица Кайкейи, проведая о моем избрании, торопит теперь государя, отца моего, со свершением торжественных обрядов; ведь она всегда была расположена ко мне и всегда радела о счастье царя и моем. И ныне государь и

Кайкейи призывают меня, желая незамедлительно объявить о венчании моем на царство. Я должен поспешить во дворец моего отца, ты же оставайся и развлекись с подругами своими».

И, простившись с синеокой Ситой, Рама покинул свой чертог. У ворот он встретил Лакшману, ожидавшего его, смиренно сложив ладони, и всех своих друзей, явившихся воздать ему почести. Ответив на их приветствия, царевич взошел на свою колесницу, отделанную серебром и покрытую тигровой шкурой, и Лакшмана взошел вместе с ним и встал позади него с белым опахалом в руках как верный его телохранитель; и сотни витязей с обнаженными мечами в руках последовали впереди и позади колесницы Рамы на конях и слонах. И всю дорогу от дворца Дашаратхи народ, теснившийся на улицах, приветствовал Раму громкими кликами, и женщины с террас и из окон домов осыпали его цветами.

Достигнув царского дворца, Рама прошел один во внутренние покои, свита же осталась ждать его у входа.

И, войдя в царские покои, Рама увидел своего отца на богато украшенном троне, печального и с измученным лицом, и рядом с ним Кайкейи. Смирненно поклонившись в ноги царю, Рама приветствовал затем царицу с надлежащим почтением; но не поднял на него взора, затуманенного слезами, и ничего не сказал ему в ответ несчастный царь.

Встревоженный и удивленный необычным поведением царя и никогда не виданной ранее мрачностью его, Рама, бледный и повергнутый в уныние, обратился тогда к Кайкейи и спросил ее: «Не преступление ли какое, совершенное мною по неведению, причина тому, что я вижу отца моего разгневанным ныне? Если это так, прошу тебя, умилоствись его и смягчи его гнев. Чем удручен его дух и почему так бледен он, всегда встречавший меня ласковой речью? Не терзает ли его какой-нибудь недуг, душевный или телесный? Не случилось ли беды с ясноликим Бхаратой или с отважным Шатругхной? Или невзгода посетила матерей моих? Скажи мне, о высокочтимая, я жажду знать истину. Какое нежданное горе омрачило сердце владыки?»

Кайкейи сказала: «Нет, Рама, царь не гневен, и ничто не грозит ему. Но некогда обещал он исполнить два моих желания и теперь боится заговорить, чтобы не промолвить неугодное тебе. Ведь ты – его любимый сын. Я расскажу тебе обо всем, о Рама, коль скоро ты обещаешь сделать все, что повелит тебе царь, будет ли то по сердцу тебе или нет».

Рама, опечаленный, ответил Кайкейи в присутствии царя: «Горе мне, если ты могла усомниться в моей сыновней преданности, о благородная! По единому слову отца моего я пойду в огонь, выпью яд, кинусь в море, если он повелит. Поведай мне, о царица, в чем воля государя, и знай, что исполню ее – еще никогда не отступал Рама от сказанного им единожды».

И Кайкейи поведала о войне богов и демонов, о спасении Дашаратхи и о том обещании, которое он дал ей. И сказала тогда коварная и подлая Кайкейи Раме, справедливому и не ведающему зла, о своих недобрых желаниях: «Пусть взойдет вместо тебя на царство Бхарата, ты же да отправишься в изгнание в леса Дандака сроком на семь и еще на семь лет».

Выслушав эти слова, жестокие, как возвешение смерти, Рама не был повергнут в отчаяние, но старый царь великой был сокрушен горечью при мысли о разлуке с любимым сыном. Рама же, истребитель врагов, отвечал Кайкейи: «Да будет так, как ты говоришь. Ради исполнения того, что было обещано тебе моим отцом за спасение его жизни, я с радостью отправлюсь в леса и пробуду там как отшельник столько лет, сколько ты пожелала. Одно лишь печалит мое сердце: почему государь сам не объявил мне об избрании Бхараты на царство? Ведь я рад следовать любому его велению. Утешь царя! Почему, потупив взор, он безмолвно проливает слезы? Я же поспешу исполнить волю его».

Кайкейи, обрадованная, сказала: «Слова твои справедливы, о Рама! Не следует медлить с исполнением решенного. Пусть пошлют тотчас гонцов за Бхаратой – да возвратится он немедленно в Айодхью. Ты же прости отцу его молчание – он смущен и потому не может говорить с тобой. И уходи в лес, поторопись, о Рама; царь не будет ни пить, ни есть, ни совершать омовение, пока ты останешься здесь».

При этих словах царь воскликнул, рыдая: «О горе!» – и упал без чувств на асану, украшенную золотом. Рама, подняв отца и усадив его на асане, приготовился уйти, понуждаемый безжалостными речами Кайкейи, как конь жестокими ударами плети. И, обещав царице покинуть в тот же день Айодхью, Рама испросил у нее разрешения увидеться с матерью и Ситой, поклонился в ноги царю, оцепеневшему в бесчувствии, и удалился.

Горе каушалы и гнев Лакшманы

Выйдя от царя и Кайкейи, Рама направился, сопровождаемый Лакшманой, в покои своей матери.

Когда же распространился слух об его изгнании, женщины во дворце подняли громкий плач. Жалуясь и стеля, царские жены порицали Дашаратху и проливали слезы о горькой участи Рамы. «Увы! Мы лишились опоры своей и защитника», – говорили они. Но сам Рама оставался непоколебим и спокоен, утрата царства не омрачила лица его, прекрасного, как месяц осенней ночью, и речь его, обращенная к друзьям и к слугам, осталась по-прежнему исполненной благоволения, доброты и кротости.

У входа в покои Каушалы Рама встретил многих преклонных годами почтенных брахманов и с ними женщин и детей, которые все воздали ему почести и осыпали его благословениями. И привратницы, охраняющие чертог старшей царицы, приветствовали Раму словами: «Победа тебе!» – и немедленно известили повелительницу о его приходе.

Рама, войдя в благословенную обитель своей матери, застал ее у алтаря возносящей богам молитву о счастливом царствовании сына. Не ведая о беде, она с утра, облачившись в белые одежды, совершала жертвоприношение огню и старалась умиловить божества возлияниями воды, приношениями риса, варенного в молоке и сахаре, зерна, топленого масла и цветов.

Рама приветствовал мать, склонившись до земли, сложив смиренно ладони; она же поспешила к нему навстречу и, обняв его, сказала голосом, прерывающимся от радости: «Да будешь ты долговечен, о Рама, дитя мое! О, не напрасны были мои молитвы и обеты – благо царского рода Икшваку будет твоим уделом». Тогда Рама поведал ей о постигшем их горе, о своем изгнании и о воцарении Бхараты.

Как дерево, подрубленное топором, упала Каушалы на землю, едва эта весть коснулась ее слуха. Рама, видя свою мать, достойную иной участи, распростершейся без чувств на земле, тотчас поспешил поднять ее и, видя, что одежды ее покрылись пылью, бережно их отряхнул.

«О сын мой, – молвила, очнувшись, несчастная царица, сокрушенная гибелью своей радости, – если бы не родился ты на свет, горе быть бездетной не так бы убивало меня, как эта весть, которую ты принес мне. Молитвы богам и посты, раздача милостыни и соблюдение обетов и все, что претерпела я ради обретения сына, – все было бесплодным, как семя, брошенное в песок пустыни. Как вынесу я бесконечные дни разлуки с тобой, не видя твоего лица, оскорбленная супругом, презираемая женами-соперницами, когда я, старшая царица, стану последней из рабынь надменной и дерзкой Кайкейи? О, сердце мое, наверное, из железа, если не разорвалось оно при этой страшной вести; нет места для меня в царстве Ямы! О Рама, жизнь моя бесполезна без тебя – и я последую за тобой в леса, как следует корова за своим теленком!»

Так сетовала и плакала Каушалы. Когда она умолкла, обуреваемый гневом, возвысил голос Лакшмана. «Я не знаю, о высокочтимая царица, – сказал он, – за какую вину должен Рама покинуть царство и уйти в леса. Даже враги его не могли бы найти за ним греха. Какому закону следовал царь, отрекаясь от такого сына? Поистине, одряхлев, он впал в детство. Предавшись во власть Кайкейи, он может повелеть все что угодно, но кто посмеет воспрепятствовать Раме взойти на трон, когда я буду рядом с ним, готовый оградить его моими стрелами от любого врага? Клянусь моим луком, я уничтожу всех сторонников Бхараты и, если вся Айодхья поднимется против Рамы, я истреблю без жалости всех ее жителей – кто отважится противосто-

ять нам обоим? Утешься, о благородная, я развею твою горе, даже если для этого нужно будет убить моего отца – поддавшись наущениям Кайкейи, он стал нам врагом и достоин смерти».

Вняв речам высокого духом Лакшманы, Каушалья, плача, сказала Рама: «Ты слышишь, о сын мой, что говорит твой брат? Ты не должен уходить отсюда, повинуюсь воле бесчестной жены твоего отца, и покидать меня, угнетенную горем. В разлуке с тобою я не смогу жить, и ты, виновный в гибели матери, пойдешь после смерти в ад».

Рама отвечал своей матери Каушалье, плачущей и стenaющей: «Я не могу пойти против воли моего отца. Древние герои, богоравные воины и святые, покоряясь воле отцов, отдавали жизнь свою и своих близких. Вспомни сыновей Сагары, погибших под землею, вспомни Раму, сына Джамадагни, по слову отца обезглавившего свою мать в лесу. Уходя от тебя в изгнание, я лишь вступаю на путь, проложенный до меня мужами, достойными подражания».

И Рама сказал Лакшмане: «Я знаю твою преданность мне и твою мощь и отвагу, о Лакшмана! Но да будет ведомо тебе, что долг – превыше всего в этом мире, а мой долг повелевает мне исполнить обещанное отцом моим. Поэтому откажись от своего неразумного намерения – я никогда не приму царства, добытого несправедливостью. Лучше ты, о Лакшмана, обуздав свой гнев, распорядись об отмене назначенных на сегодня торжеств и обрядов. Сегодня же я покину Айодхью, как обещал отцу и Кайкейи, и удалюсь в изгнание. Умерь свой гнев, о сын Сумитры, – это Судьба подсказала младшей царице ее желание. Судьба одна – причина моего изгнания, с нею же, всемогущей, напрасно спорить. И потому не печалься и не гневайся на отца и на Кайкейи. Не возлагай вины на тех, чьи слова и деяния определены Судьбой».

Выслушав эти слова, Лакшмана опустил голову, тяжело вздыхая, и затем так отвечал Рама: «Ты думаешь, что следуешь стезей справедливости, повинуюсь неправедным велениям царя и Кайкейи, но ты заблуждаешься, в том нет сомнения. Многие напускают на себя притворное благочестие, чтобы обмануть лековерных; но как ты не видишь порочности этих обоих, наших врагов, называющих себя нашими родителями? Почему ты, исполненный сил и отваги, безропотно следуешь нечестивым словам царя, жалко покорствующего прихотям Кайкейи? Прости меня, о великий воин, но я не могу этого стерпеть. Если это называется добродетелью, такая добродетель мне отвратна. Пусть ты считаешь это неизбежным деянием Судьбы – ты не должен вести такие речи, непостижимые для меня. Только бессильные и робкие следуют покорно воле Судьбы; но тот, чье мужество способно ей противостоять, не дрогнет перед лицом Рока. Да увидят сегодня люди, кто могущественнее – Судьба или мужество человека. Этот лук в моей руке – не праздное украшение, этот меч – не для игры, для истребления врагов. Тучею стрел покрою я небо над полем битвы, и никто – ни конный, ни пеший, ни на колеснице, ни на боевом слоне – не пробьется сквозь смертоносный град моих стрел. Я устелю поле брани телами врагов и разрушу подлые замыслы царя и матери Бхараты. Скажи, на кого обрушить мне гибельные удары моего меча? Я – твой слуга. Повели – и я всю землю покорю и сделаю подвластной тебе!» Так говорил Лакшмана, и слезы лились из его глаз. И Рама обнимал и утешал его, увещевая подчиниться отцовской воле.

И Рама сказал: «Я уйду сегодня. Ты же, матушка, оставайся и позаботься об отце. Неразумно желание твое последовать за мною в леса. Если после моего ухода и ты покинешь отца, он умрет; из всех деяний женщины нет более жестокого, нежели покинуть мужа. Пока жив царь, мой отец, не оставляй его, ухаживай за ним, и тем обрешь ты нетленную награду в иной жизни».

И, заливаясь слезами, Каушалья благословила Раму. Он же, многократно поклонившись матери в ноги, покинул дворец Дашаратхи, чтобы идти в свой дом, где ждала его Сита.

Сита

Сита, свершив поутру надлежащие обряды, поджидала Раму с мыслью о грядущем торжестве и с радостью в сердце, еще не зная и не предчувствуя постигшей их невзгоды. Когда же по возвращении из царского дворца Рама вступил в свой чертог и Сита увидела его, бледного и с поникшей головою, она, трепеща, поднялась со своего места ему навстречу. И сказала прекрасная дочь Джанаки: «Почему ты печален, о господин мой? Ведь сегодня – день твоего воцарения. Почему же лицо твое не осеняет царский балдахин, белый, как морская пена? Почему не окропили волосы твои медом и творогом брахманы, искушенные в Ведах и в обрядах помазания на царство? Почему не предшествуют тебе слуги, несущие золотой царский трон, и с ними слон могучий, подобный горе, и почему не следуют за тобой царские советники и богатые горожане в нарядных одеждах и не звучат, о великий воин, гимны и песнопения во славу твою? Бледность покрыла черты твои, и никогда я не видела такого смятения во взоре твоём. О чем горюешь ты в день своего торжества?»

«О Сита, о рожденная в благой семье царей Видехи, – отвечал Рама, – мой отец изгнал меня в леса! Так пожелала царица Кайкеи, он же не мог перечить ей, связанный обетом. Бхарата станет царствовать вместо меня, а я уйду в леса, где буду жить отшельником четырнадцать лет. Я уйду сегодня. Живи счастливо и в мире под властью нового царя, повинуйся ему; соблюдай обеты и посты; каждый день, восстав ото сна, возноси молитвы богам; почитай отца моего Дашаратху, владыку народов. Моя мать Каушалья преклонна годами и подавлена горем разлуки со мною – будь к ней ласкова и почтительна. Почитай братьев моих, как собственных братьев, и превыше всех – Бхарату; помни, что цари не терпят неповиновения. Я уйду в леса, о Сита, ты же оставайся с миром и живи по моему завету».

Выслушав эти слова, сказала Раме царица Видехи голосом нежным и сладкозвучным: «Или я столь ничтожна и низка душою в твоих глазах, что ты говоришь мне это, о лучший из людей? Мне смешны такие речи; к лицу ли они умудренному знанием закона? Нет, их даже слушать зазорно. О дорогой супруг мой, отец, мать, сын, брат, невестка – все они живут плодами собственных деяний, но жена, о благородный, всегда разделяет участь своего мужа. И потому, о Рама, если ты обречен на изгнание, то с тобою и мне суждена жизнь в лесах. И если ты уходишь сегодня, я пойду впереди тебя, ступая по терниям и колючей траве. Не разубеждай меня. Я не буду бременем для тебя, о герой; в лесном безлюдье, в дебрях, где бродят дикие звери, под сенью деревьев, напоенною благоуханием лесных цветов, я буду тебе утехой и помощницей; с тобой не страшны мне скитания в глуши, без тебя не нужны мне и небесные чертоги. Сердце мое принадлежит одному тебе, не отвергай меня, жену твою, которая решилась скорее умереть, чем разлучиться с тобою!»

Но Рама, помышляя о тяготах, ожидающих поселившегося в лесу, не хотел брать Ситу с собою в изгнание и, утешая ее, проливающую слезы, так говорил ей: «О Сита, послушай меня, оставайся здесь; знай, что великие опасности и беды таят дремучие леса! Ты не ищи счастья там, где найдешь одни невзгоды. Тяжко жить в лесу – рычание львов, обитающих в пещерах гор, поражает там слух и гнетет душу; дикие звери, резвящиеся в лесной чаще, завидев человека, приближаются, чтобы напасть на него, – лес полон бед! Колючие кусты и лианы преграждают там дорогу; ночь усталый путник проводит на постели из опавших листьев, на прогалинах, оглашаемых криками сов; он питается дикими плодами и корнями – лес полон бед! И потому ты не должна уходить в леса – леса тебе не сулят блага!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.